

ТРЕБУЮТСЯ

■ **ОТДЫХАЮЩИЕ**

Мяси

ИКОВА

Ирина

Женские истории

Ирина Мясникова

Требуются отдыхающие

«Автор»

2016

Мясникова И. Н.

Требуются отдыхающие / И. Н. Мясникова — «Автор»,
2016 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-03276-8

Люся Закревская, успешная деловая женщина, не сумела свети концы с концами в личной жизни. Вместо того чтобы держаться за любимого мужчину, она постоянно терзалась из-за того, что муж на семь лет моложе, и изводила себя и Юру разговорами, что тому нужна молодая женщина, которая родит ему ребенка... Юра не выдержал давления и отбыл в неизвестном направлении. Люсе оставалось только загрузить себя работой. Ее пригласили в неожиданное место. Отель «Альбатрос» давно переживал времена своей славы. Акционеры не могли найти общего языка, персонал разбежался. Великолепный управленец, героиня была призвана вернуть гостинице былое величие и придать новый шик. Людмила засучила рукава – и горе тому, кто попытается ей помешать, даже если это главный акционер Петр Сергеев...

ISBN 978-5-227-03276-8

© Мясникова И. Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Люська	5
Альбатрос	12
Люська	14
Андрей Федоров	28
Альбатрос	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Мясникова

Требуются отдыхающие

Люська

Люська Закревская лежала на операционном столе, как бабочка пришпиленная булавкой, и думала, что она непроходимый придурок! Хотя придурок – это уж очень ласково сказано. Идиотка! Вот, кто она такая. Настоящая круглая идиотка. Люся Закревская пошла к Айболи-там и заплатила им кучу денег, чтобы они резали ее своими ножичками под общим наркозом, то есть в бессознательном состоянии! И не потому, что у нее жопа отваливается, ноги не ходят и сердце не работает, а для того, чтобы Люся Закревская стала просто помоложе. Минимум на десять лет, как у докторишек в рекламе написано. Будто она и так моложе своих лет не выглядит. Ну, не на десять лет, конечно, но лет на пять-то уж наверняка.

«Кто его там знает, что со мной в этом самом наркозе случится? Вдруг еще помру нена-роком?» – от таких мыслей Люське стало нестерпимо страшно, захотелось плюнуть на все и убежать.

Если б не воспитание, давно уже дала бы деру. А так из-за дурацких условностей, вбитых в ее сознание еще в далеком детстве, даже дала себя на этот холодный стол выгрузить, да еще привязать! Ага! Люся Закревская – девочка из хорошей интеллигентной семьи. А девочкам из хорошей интеллигентной семьи не пристало убежать в последний момент, хотя бы и из-под скальпеля. Приличные люди так себя не ведут. Приличные люди уж если приняли решение, договор подписали, то выполняют его условия, хоть умри. И вот лежит теперь Людмила Влади-мировна Закревская совершенно беззащитная, приличия соблюдает, а дураки эти, ну, которые в руководстве, вместо того, чтобы нано- технологиями медицину усиливать, занимаются черт знает чем! Сколково какое-то, видите ли, строят! Лишь бы денег побольше в землю закопать! Во всем мире наука без техноградов развивается, и – ничего себе, а нашим надо всех умников в одно место согнать, чтоб им там думать лучше было. И о чем только эти умники думают? Давно бы уже им надо было придумать таблетку от старости. Съел – и опять здоровый красав-чик! Правда, Айболиты тогда все разом разорятся, и фармацевтики, в смысле аптечки, по миру пойдут. Вот уж кто настоящие враги народа! Наверное, это они правительству нашему палки в колеса вставляют, не иначе. Аптечное лобби и заговор докторишек! Эти, похоже, даже почище нефтяников будут. Вон, электрические автомобили уже даже опытными образцами изготавливаются, а таблетки от старости ни фиги, только в сладких мечтах. По всему выходит, что медицина за последние сто лет никуда не продвинулась, чуть что отрезают к чертям все лишнее. Неужели в организме так много лишнего, что хирургами практически все больницы забиты, под завязку. И все равно не хватает их, хирургов этих. Вон медицинские институты хирургов выпускают в огромных количествах и таких, и этаких, на любой вкус....

Додумать эти интересные мысли Люське не удалось, ей дали наркоз и Люська увидела бога. Вернее не увидела, а почувствовала, и в голове у нее появилось твердое знание, что вот он пришел с ней поговорить. При этом Люська также откуда-то узнала, что говорить с ним на русском или английском и даже на китайском – совершенно бесполезно. Бог понимал мысли и мыслями же Люське отвечал. Это Люську очень даже устраивало, так как языками она кате-горически не владела, а вот вопросов к богу у Люськи была целая куча. Бог был светлым и очень добрым – это Люська тоже почувствовала. Из обмена мыслями с ним Люська поняла, что все люди в сущности своей прекрасны, как ангелы, но проблема в том, что прекрасная богоподобная душа вынуждена жить в теле обезьянообразного существа.

И эта чертова обезьяна, которая согласно теории Дарвина эволюционировала из амёбы, вечно выскакивает в самый неподходящий момент и смущает ни в чем не повинную ангельскую душу. У нее, видите ли, собственный опыт выживания имеется, скрытый где-то в спинном мозге! Люська, конечно, догадывалась, что бог создал небо и землю вовсе не за три дня, но в то, что люди произошли от обезьяны, ей никак верить не хотелось. Все-таки была большая надежда на таинственных космонавтов, путешествующих от звезды к звезде, но из беседы с богом следовало, что Люськина пра- пра- пра- ...бабка скакала с ветки на ветку и размахивала хвостом. Бог объяснил, что глупости люди вытворяют от того, что они с этой своей обезьяной управиться не могут. Бог даже показал Люське картины из ее жизни, где она ведет себя, как самая настоящая обезьяна. И даже в тех ситуациях, в которых Люська никогда не подумала бы, что поступает, как примитивная мартышка, с высоты своего общения с богом, она видела, что ее поступками руководит именно животное. Причем животное хитрое, но недалекое.

«Господи! Неужели это я?» – думала Люська, и ей было нестерпимо стыдно перед собеседником. Бог Люську не ругал, а нежно гладил по голове и улыбался. Вернее, это Люська чувствовала, что он улыбается так по-доброму и по голове ее гладит.

Очнулась Люська в слезах, ее переполняло чувство вселенской любви ко всем окружающим. И к докторам, и к сестрам, и к нянечкам, и к другим пациентам клиники. Она ж теперь понимала, что они никакие не обезьяны, а самые настоящие богоподобные ангелы, вот только забыли об этом. Хотелось ко всем им прикоснуться и рассказать о своей чудесной беседе. Попросить их, чтобы они любили и берегли друг друга. Но больше всех Люська в этот момент захотела увидеть даже не маму с папой и не сына Ваньку, ей просто до физической боли необходимо было увидеть Юру Гвоздева, обнять его и никогда-никогда с ним больше не расставаться. Ведь с Гвоздевым она рассталась, действительно, как обезьяна, причем обезьяна довольно глупая.

Конечно, когда после операции Люська поглядела на себя в зеркало, охота повидаться с Гвоздевым сразу же пропала. Из зеркала на Люську смотрела страшная отекаящая рожа в жутких синяках. Люська в зеркале выглядела, как Страшила из сказки про волшебника изумрудного города. Только у Страшилы глаза были круглые, а у Люськи, наоборот, вместо глаз были маленькие щелочки по краям прошитые суровой ниткой, как грубые домотканые порты.

Пришедшая навестить Люську лучшая подруга Аня Панкратьева долго ржала, а потом обозвала увиденное утром в китайской деревне. И, действительно, Люське казалось, что щеки ее вот-вот напозвонят на глаза и закроют от Люськи весь белый свет. Даже уже после выписки из клиники, когда Люська в черных очках и платочке заправляла свой автомобиль на ближайшей к дому заправке, к ней подошел пожилой охранник и жалостно так сказал:

– Дочка! Бросай ты его к чертовой матери. Не в деньгах счастье, чтобы заради них такое вот терпеть!

Люська поблагодарила дядьку за сочувствие, села в машину, поглядела в зеркальце на свои фиолетовые синяки, матюгнулась и поняла, что на работу пока выходить рано. Зато уже через две недели после операции, Люська Закревская стала выглядеть гораздо лучше, чем она выглядела лет пятнадцать назад, а через месяц желание увидеть Юру Гвоздева охватило ее с новой силой. Вот бы посмотрел на нее сейчас. Прямо картинка из модного журнала какая-то, звезда эстрады, а вовсе не финансовая мегера бальзаковского возраста. Или даже пост-бальзаковского? Кто его теперь знает, в каком возрасте у женщины начинается этот бальзаковский период. На Люськин взгляд, так у нее этот возраст наступил уже очень-очень давно. Пожалуй, еще тогда, когда она развелась со своим первым мужем. То есть, еще в прежней жизни, потому что новая жизнь у Люськи началась исключительно после знакомства с Юрой Гвоздевым.

С Гвоздевым Люська познакомилась совершенно случайно. Вернее знала она Юру давно, видела у себя в офисе, где он бывал по делам своей компании неоднократно, но близко с ним никогда не общалась. Так только «здрасьте» и «до свидания». Той зимой Люське все-

таки удалось уговорить Панкратьеву вместе полететь встречать Новый год на берегу океана под пальмой. Уговорилась Панкратьева только потому, что, наконец, рассталась со своим «как бы мужем». Так они с Анькой ласково именовали мужчин, которых в народе называли грубым словом «сожитель». Этот «как бы муж» Панкратьевой был настоящим придурком, впрочем, как и ее предыдущий вполне законный супруг. Ну, не везло им с Анькой ни с законными мужьями, ни с этими «как бы». Причем, придурковатость очередного встреченного подружкой мужчины Люська определяла моментально, как говорится, влет, а вот своих встречных попеременных раскусить сразу ей было не по силам. Зато это прекрасно получалось у Панкратьевой. Так они и дружили, рассказывая друг другу, в какое очередное безобразие каждая из них опять вляпалась. При этом в своих периодах гордого одиночества, безо всяких придурков, Люська с Панкратьевой до этого момента никогда не совпадали, поэтому, можно сказать, сам бог велел им в этом одиночестве поехать куда-нибудь вместе.

Когда они покупали путевки под пальму, Панкратьева потребовала организовать ей под этой пальмой еще и папуаса, чтобы Новый год был по-настоящему веселый. В этом Люська была с подружкой абсолютно согласна. Ну, какой Новый год без папуаса?! Мужики, хоть, и все подряд сволочи, но без них все-таки как-то скучновато.

Пока они летели в чартере, организованном Люськиной транспортной компанией, она присматривалась к пассажирам в поисках подходящих папуасов. Экипаж Люська отмела сразу, так как знала пилотов, как облупленных. Все были женаты, но, несмотря на это, никогда не упустили случая покобелировать на стороне. Такие друзья им с Панкратьевой были не нужны. Остальные папуасы следовали к месту отдыха в сопровождении собственных самоваров. И это было естественно. Небошь, Новый год люди летят встречать. А Новый год, как известно, семейный праздник. Люська поскучилась и начала философствовать.

– Нет, Ань, ну скажи, почему все мужики кобелюки?

– С чего это ты взяла? – удивилась Панкратьева, отрываясь от дамского журнальчика.

– Ну, вот смотри. Летит полный самолет народа. Экипаж даже рассматривать не будем, с ними давно все ясно. Но остальные! Все со своими бабцами. И надо сказать, бабцы эти вовсе на жаб не похожи. Некоторые так и вообще очень даже ничего.

– Ну?

– Ладно бы еще напились в полете, так они еще до посадки в самолет на нас с тобой глазенками своими шаловливыми зыркали. А ты вот недавно в сортир пошла, так я специально посмотрела! Сидят, и при живых бабцах, глядя на тебя, слюну пускают, чисто сенбернары.

– Но из этого совсем не следует, что они кобелюки! Увидели красоту невозможную и восхитились. Чего тут особенного? Я вот, например, тоже, если женщину красивую вижу, то всегда ей радуюсь. Вот тебе, например!

– Ага, и слюни развешиваешь?

– Слушай, ну где ты слюни-то разглядела? Не выдумывай!

Панкратьева опять погрузилась в журнал. Люська помолчала секунды три, а потом не выдержала.

– Ань! А у тебя был когда-нибудь роман с женатым кобелюкой?

– С кобелюкой? – Панкратьева задумалась. – Хотя, кто его знает, если он женат и у него роман, выходит, что точно кобелюка. Тогда был.

– Вот!!!

– Что вот? Бывает же, наверное, что женатый человек встречает кого-то и влюбляется?

– Ну да! Влюбляется. Только при этом с женой своей законной не разводится, а знаешь почему? – у Люськи давно уже была на этот счет своя теория.

– Из-за денег и совместно нажитого имущества?

– Хрен там! Потому что жену свою он тоже любит. Но по-своему. И любовницу по-своему. Он так по-своему целый гарем любить может. А я вот уже хочу, чтобы меня кто-нибудь не по-своему полюбил, а по-настоящему!

Люська мечтательно закатила глаза и представила такую чудесную картину. Она – во всем белом, а рядом с ней прекрасный такой принц. Нет, не принц, царь. Стоит перед ней на одном колене, а в руках букет красных роз и коробка с кольцом. Говорит: «Выходите за меня замуж, прекрасная красавица! Будем жить долго и счастливо».

«Вот это правильно», – мысленно согласилась Люська со своим коленопреклоненным царем. Если уж любовь настоящая, то надо жениться, безо всяких там «как бы». Это раньше она ни в каких таких принцев, и тем более, царей ни фига не верила, а с возрастом Люське почему-то вдруг захотелось романтики. Или не вдруг? Наверное, люди просто без романтики устают очень. Вот и Люська в свои тридцать семь лет уже без романтики жить больше не хотела.

– Хочешь, значит так и будет! Вот прилетим, папуасов встретим, и будет нам любовь большая и чистая, – раздраженно вклинилась в ее прекрасные мысли Панкратьева. Люське захотелось рассказать ей про царя с кольцом, но Анька, похоже, совершенно не желала дальше развивать эту тему.

– Обязательно! Только папуасы эти, явно, не нашим самолетом летят, – после такого резонного замечания Люське все-таки пришлось заткнуться.

Еще бы! Панкратьева нашла в журнале какую-то статью о значении мужских задниц и откровенно злилась, что Люська отвлекает ее от такого важного чтения. Конечно, как свою половину найти, не подковавшись, как следует, насчет размера ее задницы! Вот Люську почему-то мужские задницы ни капельки не волновали. Или волновали? Просто она над этим никогда не задумывалась. Ей хотелось, чтобы мужчина ее мечты, тот самый царь с кольцом и букетом, понимал Люську с полуслова, и чтоб с ним было весело, и чтобы на все Люськины страхи, «ахи» и «охи» он всегда спокойно говорил: «Решим проблемы!», и потом делал бы самое главное, а именно – эти проблемы решал. А уж какого там размера этот прекрасный царь будет – дело десятое. Хотя, если он будет, как мальчик с пальчик, это Люське тоже вряд ли понравится. Или, если задница у него будет, как у слона? Такие, правда, Люське никогда еще не попадались. Может, в этом как раз вся проблема и есть? Может, если б встретился Люське на жизненном пути мужик со здоровенной задницей, то была бы она сейчас замужем и счастливая летела бы встречать Новый год не с Панкратьевой, а с любящим мужем. Люська представила на месте Панкратьевой мужчину с огромной задницей и тихонечко захихикала, чем вызвала недовольный взгляд Панкратьевой поверх журнала.

В первый же день каникул, когда они во всем своем великолепии выкатились на роскошный океанский пляж, Люська, уже смирившаяся было с отсутствием нормальных папуасов, вдруг увидела Юру Гвоздева. Гвоздев тоже заметил Люську и радостно прибежал здороваться. Юра был чем-то похож на Люськиного сына Ваньку, и не только необъятными труселями в цветочек, как у волка из мультфильма «Ну, погоди!». Кстати, никакой такой здоровенной задницы в этих труселях даже в помине не было. Юра был худой, длинный, весь какой-то нескладный с прической домиком. Ванька в свое время долго добивался у Люськи, чтобы его подстригли таким домиком. Оказалось, что это невозможно модная прическа, как у сына Панкратьевой Федора и футболиста Дэвида Бэкхема. Люське, однако, эта стрижка напоминала прическу Пиноккио из старой детской книжки. Хотя, кто его знает, может быть во времена Пиноккио это как раз и была самая модная стрижка. Мода ведь все время по кругу ходит. Кто-то может подумать, что Пиноккио персонаж сказочный и мода к нему никакого отношения не имеет, а вот и неправда. Пиноккио изначально был хулиганом, а хулиган должен иметь самую модную прическу, вот художник ее и нарисовал. Это уже потом Бэкхэм вспомнил, как его детский идеал в книжке был подстрижен, пошел и сделал себе такую же стрижку. Ведь все футболисты тоже, наверняка, хулиганы.

Гвоздев познакомил Люську и Панкратьеву со своим лучшим другом и коллегой по работе Виктором Ивановичем Тимониным. Тимонин лежал под зонтом и явно ни с кем знакомиться не собирался. Однако, увидев Панкратьеву, в лице переменился, начал щелкать пятками, чуть не упал, снес пляжный зонтик, и тут всем стало ясно, что у Панкратьевой с этим самым Тимониным назревает серьезный роман. При этом все остальные пляжные персонажи должны отойти на задний план и создавать условия для развития этого большого и чистого чувства. Собственно, вот это Люська с Юрой Гвоздевым и сделали – отошли на задний план. Детская составляющая их делегации, а именно Ванька и сын Панкратьевой Федор, особо их не обременяли, и Люська с Юрой в основном общались друг с другом.

Оказалось, что Юра младше Люски на семь лет, но при этом, несомненно, является самым умным парнем из тех, кого она встречала в своей жизни. Люська буквально смотрела ему в рот. Такого она от себя никак не ожидала. Этого просто быть не могло, чтобы Люське Закревской стало нечего сказать! Она даже никак его не подкалывала и не надсмехалась над ним, как обычно она это делала при знакомстве с очередным мужчиной. А когда Юра появился в ресторане на праздничном ужине по поводу Нового года, Люська и вовсе обалдела. Гвоздев был одет не просто модно, он был по-настоящему стилист, и все дамочки, включая официанток, посворачивали себе шеи. Удивительно, как одежда все-таки меняет человека. Вся Юрина нескладность, отмеченная Люской на пляже, разом куда-то подевалась и прическа эта хулиганская из детской сказки, почему-то оказалась идеально ему подходящей. Хоть сейчас на обложку модного журнала! Люська сразу вспомнила своего бывшего «как бы мужа» Ашота. Тот на пляже всегда выглядел красавчиком, но стоило ему надеть костюм, как всем становилось сразу понятно, что коровам седла ни к чему. А еще коровам совершенно не шли галстуки, они постоянно съезжали куда-то на бок и все время пачкались. Юра был совершенно другой. Было видно, что это человек умственного труда, причем труда довольно успешного и высокооплачиваемого.

Люська, конечно, на этом ужине и сама в грязь лицом не ударила. Это было видно по Юриным глазам. Юра смотрел на Люську с каким-то странным неведомым ей доселе обожанием. Так на Люську еще не смотрел никто. Никогда! Люська впервые почувствовала себя слабой, она вдруг вспомнила разговоры про широкую мужскую спину, за которую всегда хотели спрятаться от жизненных неурядиц все ее многочисленные приятельницы.

Через полгода Гвоздев переехал к Люське и, чего там говорить, первое время жили они вместе просто отлично. Юра предлагал Люське пожениться и разменять их квартиры на одну большую в центре города. Люська все Юрины предложения всегда выслушивала внимательно, потом целовала его в нос и говорила, что из родного Купчино не уедет никогда. И не только в центр города, но даже и в центр мира – город Нью-Йорк. Выходить замуж Люська больше не хотела, аргументируя это тем, что и она, и Юра там уже побывали, но ничего хорошего из этого не вышло. На самом деле уж больно как-то по-будничному звал он ее замуж. На одно колено не вставал, букет и кольцо не дарил. Нет, конечно, Юра за все время совместного их проживания дарил ей и цветы, и кольца, и разные бриллиантовые бацацеры, но вот, когда замуж звал, почему-то никак не соответствовал Люскиной мечте о царе.

Надо сказать, что с Юрой Люське было по-настоящему весело, и он понимал ее, как никто другой. Даже, когда Люська по своей старой дурацкой привычке, напившись, кидалась танцевать на столе, Юра всегда танцевал там вместе с ней.

Гвоздев профессионально занимался маркетингом и вечно был переполнен какими-то идеями. Он рассказывал Люське, например, что в этом году просто необходимо открывать кофейни, а вот в следующем надо срочно организовывать золотые магазины. Люська смеялась, а потом удивлялась, как сбывались прогнозы Гвоздева. Он всегда опережал отечественный бизнес на год-другой. Гвоздев, как и сама Люська, прекрасно налаживал отношения с людьми и тоже никак не мог усидеть на месте. Ему всегда надо было куда-то бежать, что-то делать. Он

на своем мотоцикле носился по городу со страшной скоростью. К этой скорости он приучил и Люську, купив ей такой же мотоцикл, как у себя, и они гонялись на этих мотоциклах по кольцевой дороге, вызывая опасения Панкратьевой и ее супруга. Ведь Панкратьева все-таки вышла за Тимонина замуж. Но так это же совсем другое дело! Тимонин еще, когда на пляже пятками шелкал, всем сразу было понятно, чем дело кончится. Так он вокруг Панкратьевой подпрыгивал, что Люська прямо представляла, как он на одном колене стоит с кольцом и букетом. Опять же корона царская на голове у Тимонина, можно сказать, сразу была видна. Ну, если зажмуриться, как следует, конечно.

Может быть, со временем отношение Люськи к замужеству и изменилось бы. Может, и разглядела бы она, в конце концов, на голове у Юры Гвоздева какую-никакую корону, как у Тимонина, но кроме всего прочего Люськину дурную голову терзали еще и комплексы насчет Юринога возраста. Ее волновал не столько его возраст, сколько отсутствие у Юры детей. Она понимала, что рано или поздно Юра захочет иметь ребенка, а она уже для этого дела старовата. Конечно, певица Мадонна родила ребенка на пятом десятке, но Люська-то, хоть и выглядит не хуже, но условия у нас для родов совсем не такие, как у капиталистов со стажем. Так потом ведь и растить ребенка надо, а Люська уже понимала, что ей и с единственным Ванькой управляться становится тяжеловато. Хорошо, папа с мамой помогают.

Люська и сама не заметила, как просто заиклилась на идее, что Юре необходимо найти себе нормальную молодую женщину, чтобы организовать семью для рождения детей. Этой своей идеей она, в конце концов, просверлила Гвоздеву мозг. Не было дня, чтобы Люська не упоминала о том, что у Юры впереди вся жизнь, а ее Люськины дни, можно сказать, сочтены.

Однажды Юра собрал свои вещи, чмокнул Люську куда-то в лоб и ушел. Она даже вначале не поняла, что произошло, а потом, когда врубилась, то почувствовала себя очень странно. Ее поведение нельзя было объяснить простой и незамысловатой глупостью. Во всей этой ситуации чувствовалось что-то такое очень болезненное, навроде заболевания мозга на всю голову.

Неделю Люська просидела в прострации, тщетно пытаясь связаться с Гвоздевым по телефону и надеясь, что он одумается и вернется. Потом выпила бутылку водки и заснула на полу в кухне. В таком вот безобразном состоянии Люську и застал папа, привезший Ваньку с дачи. Он развернулся, увез Ваньку к себе и позвонил Панкратьевой. Та примчалась и первым делом начала поливать Люську из чайника. Люська ругалась матом и пыталась драться, но потом пришла в себя и заскулила, честно рассказав подруге, какая она невозможная дура. Панкратьева в этом вопросе с ней согласилась.

– Люська! Не может для мужчины ребенок значить больше, чем любимая женщина! – ругалась Панкратьева. – Иначе они б никогда детей своих не бросали. А тут и вовсе какие-то странные фантазии по поводу несуществующего ребенка, который ему почему-то нужен! Ты его-то спрашивала, нужен ему ребенок или нет?

– А то не ясно, что он время теряет со старой теткой вместо того, чтобы себе молодую найти и строить с ней полноценную семью!

– С какой такой старой теткой? – не поняла Панкратьева.

– Здравствуйте! С такой, с Закревской Людмилой Владимировной! – обиделась Люська.

– А! Ну, если ты такая старая, то сходи глаз себе на жопу натяни, что ли! Между прочим, хорошее дело, вместо того, чтобы окружающих своими комплексами мучить.

– Ну, глаз-то я, допустим, натяну, куда надо, да рожать от этого лучше не стану!

– А ты сама рожать-то хочешь?

– Нет! Хватит, нарожалась! – Люська вспомнила, как рожала Ваньку и аж вспотела.

– Вот так и скажи, и нечего окружающим мозги пудрить! Себе-то хоть не ври. А то придумала – старая она, а ему дети нужны. Если б они ему нужны были, так они у него уже имелись, или ты б уже нянчила дитю, как миленькая! – Панкратьева от злости даже шваркнула чайником о плиту.

Люська задумалась, а ведь Анька-то, как всегда, права! Выходит, что она сама придумала себе, какую-то несуществующую реальность, сама в ней жила, да еще пыталась и Гвоздева туда перетащить. А все, оказывается, потому, что ей просто не хотелось рожать ребеночка, да плюс к этому комплексы по поводу возраста. Боялась, что рано или поздно Юра ее бросит. Семь лет разницы – это вам не хухры-мухры! Во как! Выходит, она сама боялась таких серьезных отношений с Гвоздевым, что вот взяла и разрушила их. Даже пургу какую-то придумала про то, что Юра на царя не похож. Конечно, не похож, ведь царь в представлении Люськи Закревской должен быть, как минимум, ее ровесником, а еще лучше, чтоб немного постарше был. Для солидности. Странная штука все-таки человеческая психология! Или это не человеческая, а именно женская? Не зря же в народе говорят, что баба дура не потому, что дура, а потому что баба!

Через Тимонина удалось выяснить, что Юра продал свою квартиру, ранее купленную ему хозяином компании, в которой они вместе с Тимониным работали, отдал хозяину все вырученные деньги, несмотря на то, что квартира к тому моменту стоила уже раза в три дороже, и отбыл в неизвестном направлении. Ходили слухи, что он закрепился в Москве, а потом и вовсе переехал то ли в Куала-Лумпур, то ли в Камбоджу. Самое странное во всем этом деле было то, что даже лучший друг Юры Гвоздева Виктор Иванович Тимонин ничего толком в поступке Юры не понял и никаких подробностей не знал.

Альбатрос

Отель «Альбатрос» расположился на самом берегу Финского залива в престижном месте Курортного района города Санкт-Петербурга. Это совсем недавно он непонятным образом вдруг оказался на территории города, а раньше спокойно находился себе в Выборгском районе Ленинградской области, как и положено быть загородному отелю. Территория площадью в пять гектаров давно не давала покоя Питерским девелоперам, а уж когда отель оказался в городской черте, так и подавно стали тянуть они свои ручонки к этой соблазнительной собственности. Ах, как бы хорошо было построить на этом месте большой жилой комплекс! Но «Альбатрос» стоял незыблемо. Уж, если в смутные перестроечные годы выстоял, то и теперь как-нибудь справится.

В советское время Альбатрос был базой отдыха военных моряков. И не какой-нибудь там заурядной базой, а предназначенной для отдыха высшего командного состава. Этот самый состав, измученный долгим походом, возвращался домой зачастую к своему коммунальному очагу, и тут путевка в Альбатрос со всеми его удобствами была, как нельзя, кстати. Удобства в Альбатросе были, дай бог каждому. И душ, и ванна, ну, и, соответственно, галльон, как говорят моряки. Опять же кормили в Альбатросе, уж, если не как в ресторане «Метрополь», но и не как в столовке какого-нибудь НИИ Точной механики. Даже по субботам давали икру. Красную.

На ужин жены командного состава собирались тщательно, для этого и к поездке готовились заранее, чтобы, не дай бог, не выйти в одном и том же платье два раза подряд. А уж, выйдя, наконец, к этому самому ужину, поражали воображение друг друга и всего командного состава в целом.

Рядовому ленинградскому жителю попасть в Альбатрос не было никакой возможности. Разве что, если кто-нибудь из самого высокого командного состава приглашал в гости на один вечер. Для этого был специально выделен отдельный гостевой номер, очередь на который высший командный состав занимал сразу при заселении. В номер на одни сутки можно было пригласить друзей. Естественно, за дополнительную плату. Другьям полагался завтрак, обед и ужин в ресторане Альбатроса. Также друзья могли посетить вместе с приглашающей стороной замечательную сауну Альбатроса и танцы, которые в Альбатросе проводились регулярно после ужина. Про сауну Альбатроса в городе Ленинграде ходили легенды. Мол, там и чай тебе с травами подают в самоваре, и, кому надо, пиво холодное, и бассейн там в этой сауне есть, хоть и небольшой, но удивительно чистый.

В большой бассейн Альбатроса никаких друзей не допускали. Командный состав вместе со своими женами и то попадал в этот бассейн только по предъявлении справки от врачей, осмотра старшей медсестрой, и при наличии резиновой шапочки для плавания.

Главный врач Альбатроса была невозможно строга и не терпела разную антисанитарию. Она бы и в сауну не стала пускать посторонних, но высший командный состав нажал на все возможные и невозможные рычаги, и главного врача усмирили. Мол, сауна с друзьями для командного состава – дело особое, без которого и отдых ему не отдых. Однако главный врач на то и главный, чтобы в предбаннике сауны посадить дежурную медсестру в белом халате, которая строгим придирчивым взглядом осматривала бы посторонних на предмет обнаружения у них каких-либо скрытых зараз. Типа, чесотки, лишая и прочих бякоостей. Эта же медсестра подавала и чай в самоваре, и пиво, следила за температурой нагрева сауны и временем банного сеанса. Но даже эта придирчивая медсестра не могла нарушить атмосферы благодати, постигающей всякого, кто после сауны, закутавшись в белоснежные простыни с непонятным штампом, попивал травяной чаек в предбаннике Альбатроса.

И так бы все это замечательно продолжалось, если бы не перестройка со своим новым мышлением и всеобщим разоружением. Деньги на содержание Альбатроса стали выделяться

минимальные, да и те в соответствии с сумасшедшими инфляционными процессами, происходящими в стране, обесценивались моментально. Персонал потянулся к выходу, и Альбатрос стал для своего когда-то всемогущего владельца большой обузой. В итоге, каким-то чудесным образом, причем совершенно законно, на основании закрытого тендера Альбатрос был продан в собственность частным лицам.

Кто не знает, тендер – это нечто вроде конкурса, или аукциона, а закрытый тендер – это конкурс, в котором все участники дают свои предложения в тайном конверте. Потом в один момент специальная комиссия от продавца эти конверты вскрывает, и собственность переходит в руки того, кто дал наибольшую цену.

Те частные лица, которые победили в этом закрытом тендере при покупке Альбатроса, в свою очередь, перепродали его другим частным лицам. Видать, тендер был хоть и закрытым, да не совсем. Кого-то в процессе перепродажи постреляли, кому-то морду набили, потом опять перепродали и в результате всех этих смутных и рядовому обывателю непонятных телодвижений Альбатрос оказался в руках очередной группы физических лиц, каждый из которых имел свое видение дальнейшего развития Альбатроса и пытался, как мог, повлиять на его руководство. Поэтому руководство Альбатроса периодически сменялось в зависимости от того, какая группировка брала верх на собрании акционеров. Надо сказать, что и девелоперы, и заинтересованные в них чиновники, и даже разные криминальные авторитеты могли тянуть руки к Альбатросу сколько угодно. Все документы отеля были оформлены безукоризненно, поэтому просто отнять его у владельцев не представлялось возможным. Можно было только купить, причем по рыночной стоимости, а вот это уже было никому не интересно. Сами понимаете, какая может быть рыночная стоимость отеля Альбатрос! Это вам не шахер-махер на закрытом тендере. Тем более, что никто из владельцев продавать свои акции не собирался. Одно дело акции завода какого-нибудь, управлять которым скучно. Попробуй, поди, разберись там в производственном процессе! Совсем другое дело отель. Чего греха таить, ведь каждый знает, как нужно гостиницей управлять. Ну, ведь до чего кажется это дело совсем не хитрое! Сдавай себе номера, убирай, да корми людей. Тем более, что новым владельцам от Советской власти достались кроме отеля со всеми его удобствами, бассейнами, сауной, ресторанами, полностью оборудованной кухней, еще и скважины водозаборные, и система канализации, и котельная, и даже общежитие для персонала. Вот! Да еще ухоженная территория с парковкой и собственным пляжем. Согласитесь, есть ведь чем поуправлять и где развернуться.

Люська

Люська Закревская по советским меркам родилась и выросла в очень обеспеченной семье. Папа Люськи был директором научно-исследовательского института, а мама начальником лаборатории в другом научно-исследовательском институте. То есть, семья Люськи на полном основании относилась к советской номенклатуре. Правда, к номенклатуре не совсем полноценной. Ведь интеллигенция согласно Марксу, Энгельсу и их большому другу Ленину общественным классом не являлась, а обзывалась обидным словом «прослойка». Прослойку эту ни рабочие, ни крестьяне всерьез не воспринимали и считали своим долгом над ней всячески подшучивать в стиле «А еще шляпу надел» и так далее. Поэтому интеллигенцию в номенклатуру не особо-то и допускали, ввиду отсутствия у нее классового сознания. Конечно, должность директора института требовала и членства в партии, и классового сознания, но пролетарий занять ее никак не мог, ввиду отсутствия у него необходимой суммы знаний. Из-за этой вот незадачи интеллигенцию пришлось в номенклатуру допустить, но как-то с краешку. Может быть, именно поэтому принадлежность к этой самой номенклатуре никак не отражалась на жилищном вопросе Люськиной семьи. Люськины родители, ее бабушка, сама Люська и английский бульдог Лютик ютились в маленькой двухкомнатной квартире в блочном девятиэтажном доме Ленинградской новостройки под названием Купчино.

– Зато отдельная! – радовалась мама, выросшая в огромной ленинградской коммуналке без горячей воды и центрального отопления.

– Главное, чтобы не было войны! – добавляла бабушка, пережившая блокаду и схоронившая во время войны двоих детей.

– Погодите, девушки! – говорил отец. – Я вам всем еще шубы куплю.

Действительно, какая же номенклатура без шубы. Люська ни минуты не сомневалась, что папа свое обещание выполнит. Он всегда все обещания выполнял. Даже, когда пообещал Люське купить собаку, из-за чего у мамы с ним случился скандал. Но потом, когда появился Лютик, мама поцеловала папу и потребовала от него клятвы, что больше в доме ни кошек, ни собак не будет. А когда Лютик сгрыз мамины итальянские туфли, купленные по большому благу во Фрунзенском универмаге, папа тут же достал ей туфли французские, ничуть не хуже и велел дорогую обувь убирать в шкаф, а не раскидывать по всей квартире. Мол, Лютик просто всех приучает класть вещи на место. Мама, конечно, успела расстроиться, но углядела в этом инциденте положительные стороны. Туфли-то у нее в результате организовались совсем новые.

Институт отца разрабатывал какой-то важный проект для меховой фабрики «Рот фронт» и никто, можно сказать, не удивился, когда по окончании этого проекта все девушки его семьи, действительно, оказались при шубах. Шубы были великолепны. Сшиты они были из лапок разных ценных зверюшек, поэтому стоили не так дорого, как шубы из шкурок, но смотрелись ничуть не хуже. Маме досталась шуба из норковых лапок, бабушке из лапок чернобурой лисы, а Люське из лапок песцовых. Люське завидовали все девчонки школы. Да и чему больше было завидовать? Шубе, да джинсам, которые мама купила у спекулянтов по сходной цене. Дело в том, что в эти джинсы никто не влезал, кроме маленькой и худющей Люски. Так что, красна изба, как говорится, углами, а Люська Закревская была хороша шубой, да джинсами. Дело в том, что от рождения Люська была похожа на моль бесцветную, серую мышь и голубя-альбиноса одновременно. Волосы жиденькие, какого-то невнятного серого цвета, глаза голубые водянистые, брови и ресницы бесцветные, молочно-белая кожа с легкой синевой, длинный нос, да еще очки от косоглазия.

«Только скобок на зубах и не хватает», – думала про себя Люська, глядя в зеркало.

Училась Люська неважно. Не было у нее к учебе никакого интереса. Этим она несказанно огорчала папу.

– Люсенька! В тебе же на четверть еврейской крови, – расстроено говорил отец. – Ты должна быть талантливая.

– Ага! И красивая, – так же расстроено отвечала ему Люська. – Ни того, ни другого!

– Все равно я должен обеспечить тебе достойное образование! – не сдавался папа и мучил Люську репетиторами. А еще ей купили пианино, и Люська регулярно занималась с учителем музыки, на смену которому приходил учитель английского языка. Самым большим музыкальным успехом Люськи Закревской было выступление с «Собачьим вальсом» на папином дне рождения. Учителя, занимавшиеся с Люськой, регулярно рассказывали отцу о ее бесперспективности, после чего он повышал им оплату, и они продолжали мучиться сами, и мучить Люську. Дело увенчалось тем, что они таки Люську поступили в финансово-экономический институт на факультет бухгалтерского учета. Конечно, туда в те времена только дебил бы не поступил. Даже конкурса никакого не было. Однако папа сообщил всем членам семьи, что его еврейские предки могут теперь спать спокойно, раз у Людмилы будет все-таки высшее образование.

Но не долго эта семейная радость продолжалась, Люська из института быстро вылетела, и папе пришлось прилагать массу усилий к тому, чтобы устроить ей академический отпуск. Он строго поговорил с Люськой и велел ей идти работать. Люська и пошла. Прямо напротив дома располагался Купчинский универмаг. Люська выбрала себе отдел галантереи и парфюмерии, чтобы быть поближе к дефицитной косметике, и устроилась туда учеником продавца, а потом и продавцом. В универмаге Люське понравилось. Она чувствовала себя там, как рыба в воде, и решила, что ее еврейские корни, видимо, ждали момента, чтобы дать знать, что могут замечательно себя показать в области советской торговли. У Люськи открылся большой талант к спекуляции. Ничего плохого и позорного она в этом не видела. Услугами спекулянтов пользовались все, да еще и благодарили, чуть ли не в пояс кланялись. Опять же деньги никогда никому еще не мешали. Деньги Люське нужны были на красивую жизнь. Как эта красивая жизнь выглядела, Люська понятия не имела, но твердо знала, что на нее нужны деньги, и не маленькие. Накоплением этих денег она и занялась.

Возвращаться в финансово-экономический институт совершенно не хотелось. Папа поднял все свои связи, чтобы устроить Люську в институт советской торговли, но, оказалось, что папа не всесилен.

– Ничего, деточка, – сказал он Люське. – В торговле тоже нужны свои бухгалтеры. Закончишь институт, а уж я тебя пристрою в хорошее место.

И Люська, увидев перед собой конкретную цель, поняла, что будет дорабатывать в универмаге до конца академического отпуска и восстанавливаться в институте. Она даже начала почитать конспекты, которые выпросила у одной своей бывшей сокурсницы в обмен на импортный лак для волос.

На работу Люська обычно приходила с опозданием. Она категорически не могла придти куда-то вовремя. Заведующая секцией, конечно, ругала Люську на чем свет стоит. Постоянно лишала ее квартальной премии и обещала уволить. Люська плевать хотела на все эти угрозы. Нашла чем пугать! Премия эту Люська видела в гробу в белых тапках, она на перепродаже французских духов эту премию делала легко с одного флакона, не забывая при этом делиться с заведующей. Та, разумеется, и сама могла бы этими духами торговать, и торговала, но посредники забирали львиную долю, а Люська делилась по-братски. Опять же часть духов обязательно нужно было выбросить в продажу, а там Люськины подружки, тут как тут. На Люськины деньги пробивают через кассу и потом всё тут же Люське сдают, ни один проверяющий не подкопается, а Люська все равно с заведующей делится. Бедовая девка, вредная, разгильдяйка, хамка и матерщинница, но честная. Тут уж не убавить, не прибавить. Опять же Люська снабжала заведующую сигаретами Мальборо по цене дешевле отпускной. Где она их брала, заведующую не интересовало. В городе ходили слухи, что в порту украли контей-

нер с этими самыми сигаретами. Слухи, слухами, но не могла же девочка из интеллигентной семьи воровать в порту сигареты контейнерами. Мало ли какие у человека связи. Вот за эти связи, предпринимательскую жилку и честность заведующая и терпела откровенное Люськино разгильдяйство. Нельзя сказать, чтобы Люська этим пользовалась, она просто жила, как получится. Очки от косоглазия она, слава богу, уже не носила, но близостью к дефицитной косметике пользовалась только заради наживы. Боже упаси намазать на себя французскую или итальянскую тушь. Это же товар! Нет, Люська обходилась обычной, советской тушью в картонной коробочке за сорок пять копеек. Для того, чтобы тушь намазать на глаза, необходимо было в эту самую коробочку, как следует поплевать. А пока на себя намажешь килограмм этой гадо-сти, исплывешься весь и на работу точно опоздаешь. Красилась Люська полтора часа. Она относилось к рисованию лица, как художник, и не жалела красок. Угольно черные брови, ресницы, фиолетовые тени, ярко-малиновые щеки и сиреневая губная помада. Волосы Люська красила фиолетовой «Иридой». Только в таком виде она могла позволить себе выйти из дома.

В один из летних дней, когда Люська, как обычно, слегка опоздав, довольная собой, плыла по отделу с высоко поднятой фиолетовой головой, она вдруг наткнулась на необычайное явление в секции самообслуживания. Там, изогнувшись буквой «Зю», пытаясь пристроить свою задницу на прилавке, изнемогала необычайно длинная девица. Несмотря на свой рост, девица явно питала страсть к каблукам. На ней были надеты босоножки на гигантской платформе с огромными каблуками. Люська аж обзавидовалась. Она со своим маленьким ростом просто мечтала о таких шузах, но Люськин тридцать четвертый размер продавался только в детском отделе, фарцовщики тоже обувью такого размера не промышляли. Люське иногда удавалось покупать себе у спекулянтов кроссовки и сапоги тридцать пятого размера. Их можно было носить с носком, но туфли-то и босоножки с носком не наденешь! Босоножками невероятность девицы не ограничивалась. На голове у нее была сделана химическая завивка а'ля известная поборница прав чернокожего населения Америки Анжела Дэвис. В одном ухе у девицы была вставлена огромная серьга, символизирующая атом. Ядро с вьющимися вокруг него электронами. Такой портрет атома Люська помнила из школьного учебника физики. Серьга при каждом движении девицы тихонько позвякивала. Из-под фирменного халата торчали длиннющие ноги одетые в модные джинсы-бананы. А еще девица, даже не смотря на чудовищную химию, была невероятно красивой. Такой, какой всегда мечтала быть Люська.

«Где они еще халат-то нашли на такую длиннющую?» – удивилась Люська.

Девица с тоской посмотрела на проходящую мимо Люську и вежливо сказала:

– Здрасьте.

– Здрасьте, – ответила Люська и прошествовала в свой галантерейный отдел, про себя жалея девицу. Стоять в самообслуживании было настоящей пыткой и полным отстоем. Туда обычно ставили новеньких. Люська потом еще несколько раз прошла мимо девицы, благо дверь в подсобку находилась прямо в отделе самообслуживания. Люське очень хотелось получше рассмотреть новенькую продавщицу, а та откровенно изнывала. Ближе к вечеру, когда Люська в очередной раз шла мимо, та вдруг обратилась к ней с просьбой:

– Извините, вы не могли бы тут присмотреть, пока я в туалет сбегаю?

– Валяй, – ответила Люська. Девица убежала, а Люська разозлилась на заведующую. Ведь ни фиги девчонке не объяснила, как она только еще тут не описалась! Небось, и не ела ничего.

Когда девица вернулась, Люська спросила:

– Есть хочешь?

Та кивнула и сглотнула слюну.

– Погоди немного, сейчас тебе беляш принесу. У меня остался.

Люська сбежала в подсобку, достала из сумки беляш и вернулась в отдел. Девица схватила беляш обеими руками и жадно вцепилась в него.

«Ну да!» – подумала Люська. – «Чтобы такую длинноту прокормить надо вагон с беляшами».

Словно в подтверждение ее мыслям девица умяла беляш в мгновение ока.

– Спасибо! – сказала она, вытирая губы ладонью, – Еще бы покурить!

С этими словами девица мечтательно закатила глаза.

– Сейчас научу, как курить в торговом зале, – заверила ее Люська. – Гляди.

Люська открыла дверь в подсобку, затем достала из кармана халата пачку сигарет Ту-154 и зажигалку. Она наклонилась за дверь, прикурила и вышла в торговый зал, держа руку с сигаретой в помещении подсобки. Затягивалась она за дверью, дым выпускала в подсобку и в целом выглядела, как продавщица, следящая за происходящим в самообслуживании и беседующая с кем-то в подсобке.

– Здорово! – похвалила Люську девица.

– А то! – загордилась Люська. – Сама придумала. Я в самообслуживании два месяца отстояла. Тебя как зовут-то.

– Панкратьева, – ответила девица и добавила. – Аня.

– А я Люся Закревская.

– О! Так ты та самая Закревская, с которой мне заведующая не велела дружить.

– С чего бы это? – удивилась Люська.

– А ты на всех оказываешь дурное влияние.

– Это точно. Только лучше бы она тебе рассказала про распорядок дня. Кто и когда тебя подменяет, чтобы поесть и в туалет сходить. Еду всегда бери с собой. У тебя на то, чтобы поесть, минут пятнадцать – двадцать, так что на улице не успеешь. И держись меня – не пропадешь.

Ближе к закрытию универсама Люська услышала громкий крик заведующей из отдела самообслуживания.

– Закревская! – ревела заведующая, как иерихонская труба. Люська попросила продавщицу из парфюмерии, находящуюся напротив ее галантерейного прилавка, присмотреть за отделом и кинулась в самообслуживание выяснять, в чем она еще провинилась.

Оказалось, что заведующая обнаружила новенькую Панкратьеву, курящую сигареты «Родопи» прямо в торговом зале. Конечно, Панкратьева все делала правильно, как ее и научила Люська. Наполовину она находилась в отделе, наполовину в подсобке. То есть, курила именно та половина Панкратьевой, которая была в подсобке. Та же, что находилась в торговом зале, бдительно следила за дамочками, покупающими стиральный порошок. Справедливости ради надо сказать, что так поздно вечером, прямо перед закрытием никаких дамочек с порошком в самообслуживании не наблюдалось.

К тому моменту, когда Люська появилась в самообслуживании, Панкратьева стояла, виновато опустив голову, а заведующая отчитывала ее.

– Аня, я же говорила тебе не общаться с Закревской, она тебя ничему хорошему не научит!

– При чем тут Закревская?! Я сама придумала. Тяжело же так целый день стоять. Курить очень хочется. А чего такого? Никто ж не видел.

– Ты мне Закревскую не выгораживай! Сама она придумала! Да у нормального человека до этого голова никогда не додумается. Ей-богу, уволю засранку! – гнула свое заведующая, глядя на появившуюся в отделе Люську.

– Да не знаю я никакой Закревской! Я в глаза ее никогда не видела! – настаивала на своем Панкратьева. Люська при этом делала круглые глаза и с интересом рассматривала заведующую.

– Так, так! Не видела! А кому Закревская беляш давала?

– О! Так эта добрая девушка и была Закревская? Она ж меня от голодного обморока спасла! У меня щитовидка барахлит, и бывают всплески инсулина. Если чего-нибудь в этот момент не съем, могу впасть в инсулиновую кому, как диабетик.

– Ты чего? Правда, что ли?

– Правда. Мне обязательно надо регулярно питаться.

– А Светлана Антоновна знает? – встревожено спросила заведующая.

Люська знала, что Светланой Антоновной звали директрису их универсама. Ситуация становилась все интересней. Видать, Панкратьева-то блатная. Вон заведующая аж вся пятнами пошла.

– Не знаю, – Панкратьева пожала плечами. – Они с мамой моей лучшие подружки, еще с детства. Может, и знает.

Заведующая растерянно посмотрела на Люську.

– Значит так, Панкратьева! – строго сказала она. – Вот это Люся Закревская. Назначаю ее твоим наставником. Она тебе все расскажет про распорядок дня, введет в курс дела и познакомит с коллективом.

После этих слов заведующая развернулась и отправилась в свой кабинет. Люська с Панкратьевой переглянулись и захихикали.

– Да она в целом-то тетка не плохая, – сказала Люська. – Только дура. Здорово ты ее напугала.

– Я не хотела. У меня и правда бывают такие состояния, но только очень редко. Это наследственное. У меня и мама, и бабушка проблемы со щитовидкой имеют. Слушай, а откуда она узнала, что ты мне беляш дала?

– Ой, а ты не с Луны случайно? Это ж нормальное дело. Советская торговля называется. Все друг на друга стучат и подставить стараются.

– Бррр! – Панкратьева передернула плечами. – То-то я смотрю, та продавщица, которая с ключом приходит секцию открывать и с сигнализации снимать, никогда одна в помещение не заходит. Обязательно кого-нибудь дожидается. Это, чтобы свидетель был, что она ничего не сперла?

– Ага. Вечером то же самое.

– А если они сговорятся? Например, мы с тобой. Мы же все сможем стырить. Ну, не все, а немножко, чтоб никто не догадался.

– Мы сможем. Только тырить тут особо нечего. Все ценное уже стырено, еще на подступах. Вот продавцы и страхуются на тот случай, чтобы стыренное на кого-то конкретно не повесили. А потом, когда ревизия придет, это стыренное на всех распишут и вычтут из зарплаты. Договор коллективной материальной ответственности называется.

– А я не подписала. Мне давали, а я отказалась. Я временный работник, только на каникулы, и по трудовому кодексу они не имеют право меня обязать этот договор подписывать.

– Ты на юриста что ли учишься?

– Не, на инженера. Просто люблю законы изучать. Я в детстве мечтала стать адвокатом и выступать в суде с речью.

– Это в каком таком суде с речью адвокаты выступают?

– В американском, конечно! Кому интересно адвокатом быть в нашем суде? Вот я и пошла в инженеры.

– А инженером у нас быть – самое клёвое дело, не иначе! – Люська развеселилась от души. Ну, и смешная эта Панкратьева.

– Ты сама-то продавцом чего заделалась?

– Я на повторе. В финансово-экономическом учусь, на бухгалтера.

Тут уже развеселилась Панкратьева.

– Ну, да! Вот это уже точно клёвое дело!

– Смейся, смейся! Я закончу институт, устроюсь бухгалтером в магазин и буду заниматься коммерцией.

– В спекулянтки пойдешь? Хорошее дело. Только ты лучше в продуктовый. Я б к тебе за продуктами приходила!

– Ну, да! Икру на инженерскую зарплату покупать, да колбасу копченую!

Вот так Люська Закревская познакомилась с лучшей своей подругой Аней Панкратьевой. С этого самого момента они с Панкратьевой стали улучшать друг друга. Несмотря на всю свою эффектную внешность, Панкратьева отличалась огромной застенчивостью и неуверенностью в себе. Она даже в автобусе стеснялась передать деньги за проезд в то время, как Люська давно уже ездила бесплатно, пребывая в уверенности, что договорится и найдет общий язык с любым контролером. Кроме того, Панкратьева верила в социализм и коммунистические идеалы, и при этом патологически не терпела любую несправедливость. С этим надо было что-то делать, и Люська изо всех сил раскрывала Панкратьевой глаза на окружающий мир. Даже научила ее ругаться матом. Люська совершенно искренне полагала, что для выживания в окружающей действительности просто необходимо уметь ругаться матом. Сама Люська научилась этому в первый месяц своей работы в универмаге и поняла, что это своего рода тайный язык работников торговли, без знания которого своим в их среде никогда не будешь. Люська ругалась красиво, просто виртуозно, чему и научила Панкратьеву. Потом, уже после Перестройки, Панкратьевой это здорово пригодилось, когда она стала работать с нефтяниками.

Панкратьева, в свою очередь, изо всех сил билась над Люськиным внешним видом, уверяя, что Люська настоящая красавица, только ей надо срочно изменить прическу, макияж и манеру одеваться. Короче, полностью взять и все поменять.

– Кто б говорил! – возмущалась Люська. – На себя посмотри, у тебя прическа, как у африканской деревенщины.

– Совершенно верно, – спокойно соглашалась Панкратьева. – Признаю свою ошибку. У меня волос на голове очень мало, они тонкие и жидкие, вот я и решила увеличить их количество с помощью химической завивки. Кто ж знал, что такое получится? А тебе просто необходимо попасть к Марку Шеферу.

Шефер был самым модным в Ленинграде парикмахером. К нему записывались в очередь за месяц, за стрижку он брал бешеные деньги – 15 рублей, но все равно пользовался огромной популярностью.

– Вот еще! Деньги на ветер выбрасывать, – не соглашалась с подругой Люська. – Я, вон, и так к Ленке Евстратовой хожу. Она с ним вместе на конкурс в Венгрию ездила.

– И что?

– Ничего. Стрижет она очень хорошо.

– Не спорю. Но твоя Евстратова хорошо стрижет то, что ты ей скажешь, а Шефер стрижет то, что тебе идет!

В конце концов, Панкратьева все-таки уговорила Люську пойти к Шеферу. Запись к великому парикмахеру, как водится, организовал Люськин папа. В последний момент Люська, конечно, попыталась проспаться и прикинуться больной, но Панкратьева приехала заранее, выволокла ее из постели и терпеливо ждала, пока Люська нарисует лицо, без которого она за порог не выходила.

– Ты, Люся, даже не индеец на тропе войны, – издевалась Панкратьева, пока Люська рисовала свой образ. – Тебе с таким лицом в цирке выступать на пару с собакой Лютиком.

– Вот сейчас обижусь и никуда не поеду! – Люськиному возмущению не было предела.

– Еще как поедешь! Ты ж не хочешь папу подвести. К Шеферу не так просто попасть, а тебя из уважения к твоему отцу пропихнули вне очереди!

Последний раз Люська попыталась сбежать, когда они уже стояли перед обитой дерматином дверью в кирпичном двенадцатиэтажном доме в фешенебельной новостройке на проспекте Мориса Тореза. Но Панкратьева крепко держала Люську за руку и сказала, что даст ей в ухо, если она еще раз рыпнется. На звонок дверь открыл мужчина приятной наружности.

– Мы по записи, – сообщила Панкратьева. – От Закревского.
– Кто из вас Людмила? – поинтересовался мужчина. – У меня по записи один клиент, а не двое.

– Вот эта, – Панкратьева подтолкнула Люську к дверям.

– Проходите, мадам, – мужчина посторонился, приглашая Люську пройти внутрь.

– Спасибо, но я не мадам, а мадемуазель. Приличные мадемуазели к мужчинам в квартире по одиночке не ходят. Без нее не пойду, – Люська довольно кивнула в сторону Панкратьевой, надеясь, что Шефер захлопнет дверь перед их носом.

– Я мешать не буду, – строго сказала Панкратьева, заталкивая Люську в квартиру и протискиваясь мимо Шефера.

– Только из уважения, Людмила, к вашему отцу, – со вздохом произнес тот. Он показал Панкратьевой на креслице в коридоре и велел ей сидеть тихо и не мешать. Люську он пригласил в небольшую комнату.

Комната была переоборудована в настоящий парикмахерский салон с раковиной, креслом и столиком с различными красками и инструментами. Единственное, что в комнате отсутствовало, так это зеркало. Окна тоже были занавешены, но освещение было очень яркое. Даже настоящий софит присутствовал.

Шефер предложил Люське сесть в кресло, включил полную иллюминацию и начал внимательно разглядывать Люську.

– Срежьте там с нее все к чертовой матери! – раздалось из-за двери.

– Ваша подруга тоже мадемуазель? – поинтересовался у Люськи Шефер.

– В некотором роде, – ответила Люська.

– Мамзель, которая за дверью, вас я попрошу помолчать и не мешать. Вы бы лучше своей прической занялись. Вам самой не помешает срезать все к чертовой матери.

– Согласна, ошибочка вышла, я бы давно сама срезала, да у меня голова маленькая, а плечи большие. Так что теперь только ждать пока отрастут.

– Тогда завяжите на затылке в пучок.

– А что? Хорошая идея, – было слышно, как Панкратьева зашебуршилась за дверью, а Люська удивилась, как он все это заметил. Ведь видел же Панкратьеву от силы минут пять. Может, и правда мастер? На этой мысли Люська успокоилась и посмотрела Шеферу в глаза.

– Ну что, мастер? Тяжелый случай? – поинтересовалась она у задумчивого парикмахера, – с моей рожей не так просто. Мне в пучок волосы не завяжешь!

– Нормальный случай. Я бы даже сказал – обычный. Но рожа у вас не такая уж и пропащая. Кстати, местами даже ни чем не хуже, чем у вашей подруги.

– Вот и я ей то же самое говорю! – раздалось из-за двери.

– Молчать, выгоню! Обоих! – взревел Шефер, и Люська от страха аж подпрыгнула в кресле. Ей уже совсем не хотелось, чтоб он их выгнал.

Шефер покопался на столе и протянул Люське ватный тампон и молочко для снятия макияжа.

– Людмила, смойте, пожалуйста, с себя все это безобразие, – сказал он, продолжая разглядывать Люську.

– А вы не боитесь? – поинтересовалась Люська. – Я ведь практически альбинос.

– Не боюсь. Мне необходимо увидеть ваш настоящий цвет лица.

– Синий! – вздохнула Люська и начала смывать с себя с таким трудом нанесенную раскраску. Конечно, одним тампоном она не обошлась.

Когда с косметикой было покончено, Шефер начал крутить Люськину голову в разные стороны.

– Ага! – довольно сказал он и начал что-то замешивать у себя на столе.

– Вот теперь можно разговаривать, – заметил он в сторону двери. Из-за двери раздался тяжелый вздох.

– А посмотреть можно? – жалостно спросила Панкратьева.

– Нет. Я терпеть не могу, когда смотрят.

– Поэтому здесь и зеркала нет? – догадалась Люська.

– Ага!

– А как же вы в салоне работаете? – удивилась за дверью Панкратьева.

– Я в салоне работаю мужским мастером. Стригу бокс, полубокс, косые височки и прочие неинтересные вещи. Женщин я стригу только здесь, у себя.

– Интересно как! А как же вы с Евстратовой вместе на конкурс в Венгрию ездили?

– С какой такой Евстратовой? – было видно, что Шефер искренне удивлен.

– Вот, зараза! Наврала! Евстратова Ленка – моя парикмахерша, – пояснила Люська.

– А я тебе говорила, что врет она все! – мстительно добавила из-за двери Панкратьева.

Шефер стал намазывать Люськину голову полученной смесью.

– Перекись? – приняв хавшись спросила Люська.

Ей уже нравилось у Шефера и хотелось, чтобы он занимался ей подольше.

– Есть немного, – ответил он. – Только я вас попрошу, Людмила, никакой больше «Ириды». Категорически.

За дверью хихикнула Панкратьева.

Шефер замотал Люське голову и принялся мазать ей брови какой-то другой смесью.

– Я вам сейчас брови и глаза покрашу, запишу на бумажке, какая нужна краска. Когда к своей Евстратовой пойдете, скажете ей, чем вас красить.

– А голову?

– Голову только у меня.

– У вас дорого каждый месяц ходить.

– Красота требует жертв.

– Скупой платит дважды, – раздалось из-за двери.

После покраски Шефер начал Люську стричь, и она опять заволновалась. Казалось, что волос у нее на голове практически не осталось.

– Людмила, вы должны выбросить всю вашу косметику. Она вам совершенно не идет, – заявил Шефер, щелкая ножницами вокруг Люськиной головы.

– Как же это?

– А так. Вы женщина – лето.

Люська захихикала, а Панкратьева из-за двери радостно добавила:

– Ага! Только нос у нее синий.

– Правильно, красный нос только у снежной бабы, – заметил Шефер. – Вы, кстати, мамзель, хоть и не снежная баба, а женщина – зима.

– Да ну? – удивилась Люська. – Тогда почему у нее нос тоже синий? Или он с возрастом покраснеет?

– Насчет носа не знаю, а вот кожа у вашей подруги совсем другого оттенка, нежели у вас. Ей ни в коем случае нельзя использовать в косметике теплые цвета. Никаких кирпичных и морковных оттенков. Только бледно розовые, сиреневые, фиолетовые.

– Я это называю – покойницкие, – раздалось из-за двери. – Вы смотрели американский фильм «Зловещие мертвецы»? Там все покойнички явно такой косметикой намазаны. И губы у них синие.

– Ага, прям, как у тебя с твоей перламутровой помадой! – добавила Люська.

– Пусть будут покойницкие, – покладисто согласился Шефер. – А вот вам, Людмила, наоборот, необходимы цвета теплые, а вы волосы фиолетовой «Иридой» красили и тени себе сиреневые рисовали.

– Безобразие, – раздалось из-за двери. – Мы ее теперь кирпичиком перед выходом натирать будем.

– Кирпичиком не надо. Я вот сейчас примерно набросаю палитру, а вы потом уже переймете, – с этими словами Шефер открыл маленький плоский чемоданчик и у Люськи аж сперло дыханье. Чего там только не было! И тени, и пудра, и карандашники разные, и кисточки всевозможные, и куча еще всяческих прибабасов, назначения которых Люська даже не могла себе представить. Вся эта роскошная красота еще и пахла при этом просто волшебю.

– Ух ты! Где взяли? – практично поинтересовалась она у Шефера, сразу прикидывая, сколько же вся эта красота может стоить.

– Чего там? – занервничала за дверью Панкратьева.

– О! Анька, тут такой набор для раскраски физиономии, что я уже в обмороке валяюсь, – пояснила Люська подружке.

– Это мне родственник из Штатов прислал, – Шефер задумчиво разглядывал все это несусветное богатство. – Тут на любой вкус есть.

– Хорошо тому, у кого родственники в Штатах! – вздохнула из-за двери Панкратьева.

– Молчи лучше! Тебе родственники в Штатах ни к чему. Ты светлое будущее и на родине дождешься. Коммунизм и все такое прочее, когда у каждой женщины будут французские духи, итальянские туфли и канадские дубленки.

– А зачем коммунистам вся эта иностранная капиталистическая дребедень? – поинтересовался Шефер. – У них в светлом будущем все свое будет. Джинсы подольской швейной фабрики и косметика завода имени Ильича.

– Хорош смеяться, – обиделась за дверью Панкратьева. – Я ж вам не ортодокс какой-нибудь, но иногда хочется верить, что все люди – братья и все такое.

– Это точно! Особенно в автобусе, такое бывает «все такое», что даже и не знаешь, брат он мне или любовник, – заржала Люська.

Во время этой дискуссии Шефер старательно зарисовывал Люську, и было видно, что ему это занятие самому до жути нравится.

– Ну вот! – довольно отметил он, разглядывая Люську. – Пользоваться автозагаром я вам категорически не советую. От него пигментация еще больше ухудшается. На туши не экономьте. Купите себе итальянскую, но много не наносите. Вам надо акцентировать глаза. Для этого хорошо подходит карандаш, но тени вам противопоказаны. Они удлиняют нос.

– Поглядеть-то можно? – спросила из-за двери Панкратьева.

– Можно.

Панкратьева открыла дверь и замерла с открытым ртом.

– Светлана Светличная! – выдохнула она имя известной кинематографической красавицы-блондинки.

– Пряма там! – хмыкнула Люська, поднимаясь с кресла. – А чегой-то у тебя на голове?

Волосы Панкратьевой были собраны на затылке в пучок и перетянуты какой-то симпатичной клетчатой тряпочкой. Синие клетки хорошо гармонировали с голубой клетчатой ковбойской рубахой Панкратьевой.

– А, носовой платок! – радостно сообщила Панкратьева.

– Миленько, – заметил Шефер. – Но это же мужской. Вы пользуетесь мужскими?

– Конечно. Носовые платки для чего предназначены? Для сморканья! А в женский платок только раз и высморкаешься. Вот в мужской можно аж целых четыре раза! – гордо сообщила Панкратьева.

– Ну и мадемуазель! – развеселился Шефер.

– Не обзывайтесь, – ответила Панкратьева.

– Соплячка какая-то! – заметила Люська. – Покажите мне, наконец, меня в зеркале!

– Смотри и балдей! – Панкратьева отодвинулась, и взору Люськи предстало большое зеркало в прихожей Шефера. Люська с опаской заглянула в него и обомлела. Из зеркала на нее смотрела красивая блондинка с яркими, похожими на звезды глазами. Волосы Люськи стали совершенно белого цвета, причем их кончики были практически черные. Подстрижены они были очень коротко и стояли дыбом, от чего ее лицо приобрело задорное мальчишеское выражение. Новая Люська сама себе очень понравилась.

– Сколько с меня? – спросила она Шефера.

– Десять рублей.

– Вы ж вроде пятнадцать берете?

– Тогда чего спрашиваете? Я вам даю студенческую скидку. Мне просто самому очень интересно было, что получится. Надеюсь, вы теперь ко мне все время ходить будете.

– За десять рублей буду.

– Спасибо вам, добрый человек! – Панкратьева поклонилась Шеферу в пояс.

– Не за что, – Шефер присел в ответном книксене. – Вы, кстати, тоже приходите.

– Она не придет. Вы ж поняли, о светлом будущем мечтает и на инженера учится, – объявила Люська. – А инженерам ваши стрижки уж точно не по карману. Повяжет голову носовым платком и готово – богиня!

– А вы на кого, Людмила, учитесь?

– Я на спекулянтку, конечно! Вам духи французские не нужны?

– Нет. Мне нужна мужская туалетная вода.

– Так я вам устрою, говно вопрос!

– Эх, мало я с вас, Людмила, денег взял, – Шефер тяжело вздохнул.

– Ничего не мало. Вы ни минуты не пожалеете! У меня еще и сигареты есть Мальборо по рублю.

– Сигареты я бы тоже взял.

– Блок возьмете?

– Угу.

Люська полезла в свою огромную сумку, пошурудила там и достала блок сигарет Мальборо.

– Вот, и отлично, мы с вами в расчете! – радостно отметила она, протягивая сигареты Шеферу.

Шефер расхохотался. Однако сигареты взял.

– А вам, Людмила, можно уже и не учиться. У вас и так все хорошо получается.

– Марк, зовите меня просто Люся. Мы с вами подружимся, я уверена.

– Ох! Люська, – тяжело вздохнула Панкратьева.

Люська послала Шеферу воздушный поцелуй и довольная собой выкатилась из квартиры. Всю дорогу до дома она ловила непривычные для нее заинтересованные взгляды мужчин и старалась увидеть свое отражение в витринах и окнах метро. То, что ей удавалось увидеть, Люське однозначно очень нравилось.

А с Марком Шефером Люська действительно подружилась. И ничего странного в этом не было, потому что в городе Ленинграде не существовало человека, с которым не подружилась бы Люська Закревская, если бы того захотела.

Вот только с личной жизнью у Люськи была полная беда. Сразу после восстановления в институте Люська решительно и бесповоротно влюбилась в студента четвертого курса Славика Виноградова. Она ходила за ним хвостом и буквально мельтешила перед глазами. Конечно, она с ним подружилась, уж это-то она могла делать лучше всех, а вот дальше дружбы дело никак не шло.

Славик торговал иностранной техникой и поставил этот бизнес на широкую ногу. Люська была в полном восторге от его предпринимательского таланта, она понимала, что весь ее кру-

теж-вертеж импортной парфюмерией и ворованными сигаретами ни в какое сравнение не шел с размахом дел Славика. Славик, в отличие от Люськи, с учителями иностранного языка в детстве не занимался, однако свободно говорил по-английски, прилично изъяснялся по-немецки и почти освоил финский язык. Финны и немцы из ГДР везли ему американские джинсы, а импортную аппаратуру ему поставляли его чернокожие друзья, проживающие в общежитии финансово-экономического института. Славик и сам проживал в этом общежитии. В свободное от учебы и торговли время он сидел в наушниках и записывал модную музыку на аудиокассеты. Эти кассеты Славик продавал по три рубля. Времени на всякие амуры у него практически не было. Кроме того в общежитии родного института и амурные вопросы решались вполне примитивно и ни к чему не обязывали. Большим минусом общежития было то, что там периодически подворовывали и постоянно пытались влезть в комнату, которую Славик занимал вместе со своим чернокожим напарником из Замбии. Кроме того, к этой комнате большой интерес имела и администрация общежития. Интерес администрации Славик гасил десятками рублями, а вот со взломщиками бороться было гораздо тяжелее. Плюс к этому Славика светило распределение в родной город, находящийся в самой глубокой дыре бескрайнего Казахстана. А тут Люська Закревская. Когда Люська смотрела на Славика своими влюбленными глазами, казалось, что она не только готова идти за ним на край света, пусть даже и в самую глубокую дыру Казахстана, но и готова отдать ему все вплоть до родительской жилплощади и собственных накоплений. И Славик, к большому огорчению Люськиного папы, от Люськиной любви отказываться не стал. Свадьба отгремела аккурат перед распределением. Славик остался в Ленинграде, а Люськин папа снял молодоженам отдельную квартиру недалеко от родительского дома. Это чтобы Люська могла чаще видеться со своим любимым Лютиком. Лютик Славика невзлюбил, и как оказалось в последствии, был абсолютно прав. Еще Славика невзлюбил Люськин папа, Люськина мама и лучшая Люськина подруга Панкратьева. А Славик, в свою очередь, откровенно не любил Люську. Люська от этого душераздирающе страдала. Именно в тот ужасный период ее жизни у нее появились дурная привычка напиваться до беспамятства, бить в этом состоянии посуду и устраивать танцы на столе. Панкратьева, один раз присутствующая при всем этом безобразии заявила, что больше такое наблюдать не желает и готова даже положить их дружбе решительный конец, если Люська не одумается. Люська одумалась, но ненадолго. А как тут одумаешься, когда звонят тебе добрые люди и сообщают, в какой комнате институтского общежития можно обнаружить своего супруга, занимающегося той самой незамысловатой любовью, которой обычно в этих местах и занимаются молодые люди, не обремененные никакими обязательствами.

Люська зажмурировала глаза и никак не реагировала на эти сигналы, считая, что таким образом злые завистники строят свои козни ее счастливой семейной жизни. Она старалась везде быть рядом со Славиком, однако, после того, как ее забрали из гостиницы «Европейская», в институт пришла бумага о том, что Люська мешала отдыху иностранных гостей путем безобразного к ним приставания. На самом деле они вместе со Славиком были у его американских друзей, но когда началась облава на проституток, он прикинулся иностранцем, благо отлично шпарил по-английски, а Люська уже со своим «читаю и перевожу со словарем» да с кошмарным произношением никак на иностранку не тянула. Американцы, правда, честно пытались Люську у «спецуры» отбить, однако этим еще больше органы разозлили.

Проститутки от органов честно откупились, а у Люськи денег с собой не было. Хорошо в сумке оказался студенческий билет, иначе пришлось бы еще сидеть в ментовке до выяснения личности. Папе стоило больших трудов и нервов, чтобы не дать в институте хода этому милицейскому сигналу. Он сурово переговорил со Славиком, после чего Люська теперь сидела дома одна и ни на какие мероприятия не попадала. А Славик приходил с этих мероприятий довольный, пьяный и измазанный губной помадой.

Конечно, такое безобразие Люська долго терпеть не смогла и при очередном звонке от злобных завистников помчалась по указанному адресу, в родное общежитие финансово-экономического института, где и обнаружила Славика, ползающего по непонятной бабе. Единственное, что спасло Люську в тот момент, так это то, что баба эта была совсем не похожа на Софи Лорен, а смахивала на доярку из совхоза «Заветы Ильича». Люська вместо того, чтобы выброситься с пятого этажа общежития прямо на асфальт, очень удивилась и даже в задумчивости доехала до института, где училась Панкратьева. Эта отличница занятия никогда не прогуливала, поэтому Люська была уверена, что Панкратьеву в институте найдет. И не ошиблась. Они устроились на скамейке в садике неподалеку от института, закурили Люськино Мальборо и обсудили сложившуюся ситуацию. По всему выходило, что Люське надо разводиться.

– Люсенька! – уговаривала Люську Панкратьева. – В козьем болоте от шампанского пукают. Он вырос в Тьмутаракани, среди простых незамысловатых людей, и ты просто не можешь быть в его вкусе. Ему нужен большой бабец, который будет бить его сковородкой, чтоб не шлялся. От тебя Славик получил прописку и, слава богу, у тебя есть папа, который не допустит, чтобы он кроме этой прописки получил бы еще и жилплощадь. Разводись, не трать время. Ты еще встретишь человека, который тебя оценит по-настоящему.

Конечно, такого человека Люська, как ни старалась, так и не встретила, но со Славиком развелась. Папа с мамой радовались, а Люська страдала. Меняла мужчин, как перчатки, периодически напивалась, а однажды, проснувшись у себя в съемной квартире и обнаружила в своей кровати незнакомого мужика. После этого Люська с разгульной жизнью завязала. В этом помогла еще и начавшаяся в стране перестройка. Для Люськиных предпринимательских наклонностей началось настоящее раздолье. Люська работала бухгалтером сразу в трех кооперативах, зашибала на этом приличную денежку и участвовала во всех мероприятиях по переводу государственной собственности в частные руки. На одном из тендеров в исполкоме Люська познакомилась с Михаилом Семеновичем Кразманом. Кразман учредил транспортную компанию, занимался перевозками, как автомобильными, так и авиационными, экспедицией грузов и мечтал на тендере приобрести себе какой-нибудь недвижимости. Для этого у него был припасен целый чемодан ваучеров и маленькая барсетка с долларами. Но как не пытался Кразман прибахлиться, ничего у него не получалось. А тут вездесущая Люська. Она к тому моменту уже знала в тендерном комитете всех и могла в принципе купить что угодно, но у нее как раз не было того заветного чемодана с ваучерами, хотя небольшая долларовая барсетка тоже имелась. Чего уж тут удивляться, что они нашли друг друга. Кразман пообещал Люське долю в своем бизнесе, а Люська пообещала купить ему целое производственное объединение с промплощадкой и офисным центром. Обещания, данные друг другу, Люська с Кразманом выполнили в точности, и Люська стала компаньоном в транспортной компании. Конечно, она ушла из всех своих кооперативов и сосредоточилась на финансах частично собственного предприятия. Люськиным правилом по отношению с налоговыми органами было одно – «Шиш вам!». Она минимизировала налоги и выстроила жесткую финансовую дисциплину. Не хватало еще на штрафы попадать из-за того, что кто-то когда-то лопухнулся и вовремя бумажку не оформил. Вон сколько случаев, когда люди элементарный договор на обналчку нарисовать, да проштамповать забыли, поленились там, или на потом отложили, и все – пипец. Пришла проверка, и всех оштрафовали абсолютно на ровном месте, да еще в списки неблагонадежных зачислили. И, потом, некоторые несознательные элементы пытались и вовсе налоги не платить. Вот уж глупость, так глупость. Это если у тебя недвижимости никакой на фирме нет, или лицензий, так это еще, куда ни шло. Не, Люськиному предприятию такая политика ни капельки не подходила. Поэтому Люська с государством налогами делилась, но в разумных пределах, очень разумных, исключительно только, чтобы правила игры соблюсти. Налоговики ходили вокруг Люськиного предприятия кругами, и только облизывались. Люська взятки не платила. Еще чего не хватало! При всех несправедливых наездах она тут же бежала в суд и,

как ни странно, все эти суды выигрывала, причем быстро. Сказывалась ее способность налаживать отношения. В результате налоговая инспекция успокоилась и уразумела, что с Закревской ничего не снимешь, только замучаешься оправдываться перед вышестоящими органами, почему проверки ничего не выявили. Кразман был очень доволен своим новым компаньоном. Пару раз они с Люськой даже переспали, как бы закрепив этим достигнутые договоренности, но Кразман был человеком женатым, а Люське не нравились мужики, годящиеся ей в отцы. Так что отношения между ними сложились дружеские, практически родственные, каждый занимался своим делом, причем успешно, и вырученные денежки позволяли им существовать безбедно.

Со временем Люська настолько отладила свою работу, что могла бы уже там и не появляться, руководя своими подчиненными по телефону и через компьютер. Сбылась ее мечта и можно было уже себе позволить невозможное и так любимое Люськой разгильдяйство. Люська с детства видела, как родители ни свет ни заря мчались на работу и приходили оттуда поздно вечером, совершенно измученные, поэтому она мечтала о другой работе. Вставать не под рев полоумного будильника, а когда проснешься, работать спокойно, без надрыва, в свое удовольствие и в приятной атмосфере, а главное иметь от всего этого большие деньги и независимость. Конечно, можно было бы считать, что теперь ее мечты сбылись. Однако Люська регулярно являлась на работу к десяти часам, вводила подчиненных в трепет и отправлялась к себе в кабинет играть в компьютерные игры. Одно дело правила нарушать, а другое дело – правила устанавливать. Уж тут никакое разгильдяйство непозволительно.

Наладив карьеру, Люська вспомнила о своем возрасте и решила родить ребенка. Еще немного, и рожать уже будет поздно, так что времени на то, чтобы найти своему ребенку достойного отца практически не оставалось. А бросать этот такой важный процесс на волю случая и предаваться мечтам о принце на белом коне, Люська себе позволить никак не могла. Она не Панкратьева, чтобы во всю эту романтическую дребедень верить. Поэтому Люська обратила свой взор на Ашота. Он работал охранником на автостоянке, где Люська хранила свой любимый ярко-красный автомобиль. Ашот регулярно звал Люську на свидания и зимой чистил ее машину от снега. Парень он был симпатичный, и Люська прикинула, что смесь ее на четверть еврейской крови с армянской кровью Ашота может дать очень интересный результат. Чего уж тут говорить, Ашоту, как и всякому нормальному кавказскому мужчине, очень нравились такие маленькие яркие блондиночки, как Люська Закревская. Так что заманить его в свои сети было, можно сказать, плевым делом.

Оглядевшись в Люськином богатстве, Ашот слегка обалдел и долго не верил своему счастью. Потом расслабился и даже бросил работу на автостоянке. Не гоже спутнику такой важной барышни охранять чужие автомобили. Люська пристроила его на работу к одним из своих многочисленных знакомых, и Ашот стал ходить в офис в костюме. Он теперь гордо назывался офис-менеджер и занимался обеспечением этого самого офиса всяким барахлом, типа канцелярии, кофе, билетов и водопроводчиков. Ашот организовывал починку мебели, замену лампочек и размещение командированных в гостинице. Ашоту такая работа очень нравилась, она у него хорошо получалась, хозяева офиса были довольны и платили Ашоту премии. Он даже поменял свою машину, взяв у Люськи денег в долг. О тайных планах Людмилы Владимировны Закревской он не догадывался.

Наконец, Люська забеременела, Ашот сначала до смерти перепугался, но потом взял себя в руки. Съездил к родственникам в Краснодар и, вернувшись, высказал готовность жениться. Однако, Люська, понадеявшаяся было на то, что из Краснодара Ашот уже не вернется, ему в женитьбе отказала. Хватит, прописали уже одного. Теперь у Люськи была собственная четырехкомнатная квартира в кирпичном доме недалеко от квартиры родителей. Да еще с евроремонтom и ванной джакузи. Люська этой квартирой очень гордилась и никого в ней прописывать

не собиралась. У Ашота, ясное дело, Питерской прописки не было. Он был временно прописан в Ленинградской области в поселке Тайцы в общежитии совхозных рабочих.

А уж, когда родив ребенка, Люся назвала его Ванькой, не посоветовавшись с Ашотом, и более того, записалась матерью-одиночкой, Ашот обиделся не на шутку. Он хотел назвать сына Самсоном и дать ему свою фамилию. Люське же даже в страшном сне не могло присниться, что она может быть матерью не Ивана Владимировича Закревского, отчество Ваньке она записала свое, а Самсона Ашотовича Вартаняна!

Однако Люськин папа и в этот раз дочку свою не одобрил. Он считал, что Ашот, конечно, не принц Уэльский, но к Люське относится гораздо лучше, чем бывший ее Славик. А женщине нельзя быть одной, тем более растить мальчика без отца. Именно из-за папиного такого положительного отношения к Ашоту и вот этой вот всенародной жалости к мальчикам, выросшим без отцов, Люська и прожила с Ашотом практически десять лет. Все эти десять лет Ашот нестерпимо Люську раздражал, и она придумывала себе разные занятия только чтобы, как можно меньше бывать дома.

Ашот понимал, что Люська его совершенно не любит, и долго носил эту обиду в себе, а потом то ли на зло Люське, то ли по своей горячей южной натуре, переспал с секретаршей того самого офиса, где служил офис-менеджером. Причем сделал это прямо в том самом офисе, не утруждаясь поиском более подходящего места. Конечно, в этой ситуации тайное стало явным просто-таки моментально. Когда Люська об этом узнала, то испытала странное облегчение и дала Ашоту большого пинка, правда, оставив ему машину, купленную практически на Люськины деньги, и уговорив своих знакомых Ашота не увольнять. Так что в этой истории больше всех пострадала уволенная секретарша.

Андрей Федоров

Андрей Иванович Федоров закончил Ленинградский инженерно-строительный институт и работал прорабом. Когда началась перестройка, Федоров организовал свой строительный кооператив. Начал он с ремонта крыш, а потом потихоньку полегоньку пролез на поляну промышленного строительства. Стройка сама по себе Федорова не интересовала. Ему очень понравился сам процесс создания и расширения предприятия. Работа с людьми, вопросы налогового законодательства, различные инструменты ведения бизнеса, кредитная политика предприятий, работа с банками, купля-продажа недвижимости. Все это было в новинку для советского человека. Федоров постоянно повышал свою квалификацию, посещал разные семинары и мечтал создать у себя строительную организацию на манер западной, чтоб и небоскреб собственный в центре города, и счастливый персонал, спешащий на работу через турникет. На одном из семинаров, устроенных налоговой инспекцией для разъяснения порядка взимания только что введенного налога на добавленную стоимость Федоров и познакомился с Люськой Закревской. Она сидела в том же ряду и сразу же понравилась Федорову своими толковыми вопросами. Чувствовалось, что женщина зрит в корень, знает тему не понаслышке и хочет получить прямые ответы по существу. Некоторые ее вопросы ставили выступающих в тупик, и чувствовалось, что они и сами еще толком не разобрались в принципах исчисления этого самого НДС. При этом любознательная дамочка успокаивала организаторов семинара:

– Да вы не волнуйтесь, давайте все вместе разберемся. Пока мне объясняете, глядишь, и сами все поймете.

Конечно, Федоров не упустил случая, чтобы в перерыве не познакомиться с этой женщиной. Знакомство с Люськой переросло в крепкую дружбу. При выходе в свет какого-нибудь нового закона они всегда вместе пытались в нем разобраться, Федоров часто направлял своих бухгалтеров консультироваться по непонятным вопросам с Люськой, а Люська с его помощью обналаживала деньги и налаживала связи с его знакомыми банкирами. Марина, жена Федорова сначала отнеслась к Люське с подозрением, а потом и сама с ней задружилась и они вместе посещали фитнес-клуб. Хозяин фитнес-клуба тоже был хорошим приятелем Люськи Закревской. Вообще, приятели и приятельницы были у Люськи повсюду. И это очень нравилось Андрею Ивановичу. Он даже раздумывал над тем, как бы переманить Люську в свою фирму, но ничего у него из этой затеи не получилось. Люську от Миши Кразмана и от их совместной транспортной компании было клещами не отодрать.

Погорел Федоров в девяносто восьмом году. С одной стороны он потерял деньги в пирамиде ГКО, а с другой стороны на нем висел кредит в иностранной валюте. С трудом рассчитавшись с кредитом, Федоров лишился своего предприятия.

– Эх, Андрей Иванович! Дубина ты, дубина! – жалела его Люська. – А я ведь тебе про это сраное ГКО говорила. Государство оно ведь почище любого Мавроди будет. Вон, сбербанк еще когда всех пенсионеров обчистил! А они ему опять денежки несут, и хоть бы хны! Граждане! Храните деньги в чулках и матрасах. Слава богу, я женщина умная и Мишу Кразмана не послушалась. Тоже хотел с государством поиграться. Сейчас бы сидел, как ты, и лапу сосал, да и я вместе с ним. Куда ж я без Миши Кразмана? Нетушки! Я деньги по закромам прячу, да в зеленых красивых бумажках. Можно, кстати в английских фунтах хранить, или в иенах японских. Да мало ли разных способов деньги спрятать! Вы б еще каких-нибудь облигаций купили!

– Люсь! Не сыпь соль на рану. Я теперь, как разбогатею, буду слитки золотые покупать и закапывать их у себя на участке, – отвечал ей Федоров, страдая от своей глупости.

– Ага! Государство придет, скажет, что это клад и в лучшем случае даст тебе за него 25 процентов, – соглашалась Люська. – Все, что в земле, принадлежит Родине. И картошка, и

слитки. Только картошка ей не интересна, а вот слиточки твои золотые, да камня самоцветные вынь да положи!

– Люська, зараза! Какие камни? – возмущалась Марина. – Мы с кредитом, чтобы рассчитаться, последнее отдали. Сейчас на мою зарплату живем.

– Не попрекай мужика куском хлеба! – строго сказала Люська. – Твою работу быстро найдет, на диване не залежится.

И, действительно, работу Андрей Иванович нашел быстро. Правда, не сам, а при помощи все той же Люськи. Недаром у нее в знакомых и приятелях числился весь город. Один из ее знакомых в свое время урвавший у страны в процессе приватизации завод медицинского оборудования совсем с этим заводом запутался и скис. Хотел даже, было, продавать, но тут вездесущая Люська посоветовала ему не торопиться, а попробовать взять на работу Управляющим толкового парня Федорова Андрея Ивановича. Люськин приятель и сам завод свой уже любил, так как намаялся с ним, как с малым дитем, поэтому за Люськино предложение ухватился. Для Федорова это было дело новое и интересное. Он опять начал всячески свою квалификацию повышать, для чего даже проучился в бизнес-школе, получив степень международного бизнес-образования, как говорится в народе обэмбиелся! Тем самым Федоров перешел в разряд дорогих наемных топ-менеджеров.

Когда он учился в бизнес-школе, Люська веселилась вовсю.

– Они тебя, Андрюша, научат, как ежедневником пользоваться и с секретаршей управляться. Без этого настоящему бизнесмену никак. А потом будет у вас практика занесения отката.

– Дура ты, Люся, при всей моей к тебе любви. Весь мир это бизнес-образование получает. Это только у тебя все просто, а бизнес на самом деле штука сложная и коварная.

– Ну-ка, ну-ка! В чем коварство-то? Подешевле купить, да потом подороже продать – вот главный закон бизнеса, и чтоб это понять, конечно, надо кучу учебников перечитать.

– То, о чем ты говоришь – это примитивная спекуляция.

– Спекуляция, между прочим, тоже один из возможных вариантов извлечения денежных средств. Ну, если конечно, целью бизнеса стоит извлечение денежных средств, а не хождение с важным видом по кабинету в присутствии восхищенных подчиненных. Кроме того, любой даже самый примитивный спекулянт оказывает населению услугу. Он прикладывает к процессу свой труд, даже, если это перевозка товара с одного места в другое. Об этом, кстати, еще Маркс написал в своем учебнике под названием «Капитал». Прибавочная стоимость и все такое прочее.

– Маркс твой – бухгалтер. Простой, как пробка!

– Так, а я, по-твоему, кто? Кроме того, все гениальное просто.

– Люсь! Ты все правильно говоришь, – Федоров не находил слов, как объяснить ей то, что ему казалось волшебной и сложной системой. – Но это все хорошо для продовольственного ларька, а для сложной корпорации все твои рассуждения не подходят.

– Эх, Андрюша, тупая твоя башка! Любая корпорация складывается из огромного количества ларьков, Ну, или свечных заводиков, типа твоего медицинского.

– А вот тут ты не права! Это ты про элементарную сеть говоришь!

– Ага! А ты про корпорацию, которая добывает, производит и продает. Сеть ларьков-скважин при добыче, плюс сеть ларьков – заводов на переработке, плюс сеть ларьков – заправок и так далее.

– Сказала тоже! Сравнила завод с ларьком!

– Так, а в чем разница? В том, что у тебя незавершенное производство есть? Склады запчастей, деталей и сырья? Это просто сложности учета и управления персоналом, а на выходе у тебя все равно должна быть прибыль, хоть ты тресни. А что такое прибыль? Разница между твоими затратами и стоимостью готовой продукции для покупателя. То есть, в результате имеем,

что купить детали, сырье, запчасти и рабочую силу надо подешевле, а продать то, что из этого получилось, подороже. Бизнес-образование – мать его за ногу! И как ты там эту свою прибыль по своей корпорации размазываешь, так это только вопрос опять же оптимизации с целью уменьшения налогового бремени.

– А маркетинг, конкурентное окружение?

– Вот тут ты прав! – захихикала Люська. – Тут без бизнес-образования никак нельзя! Без него ты начнешь своим заказчикам при покупке прибора для измерения давления дарить в качестве бонуса бесплатную клизму! А еще лучше презерватив! Пришла бабка в аптеку, а тут ты со своей акцией. «При покупке двух слуховых аппаратов, третий – в подарок!»

Однако, не смотря, на все это Люськино безобразное веселье учиться Федорову нравилось, бизнес-образование расширило ему кругозор и дало четкое понятие, что применить свои знания на практике в русском бизнесе тоже можно. Но только не во всяком. Настоящий доходный бизнес, конечно, основан на личных отношениях и откатах. А вот бизнес, так сказать, честный и трудовой, ориентированный на широкие массы населения и не имеющий преференций от государства, просто обязан для собственного выживания эти знания на практике применять.

В остальном Люська Закревская, безусловно, была права. Конечно, государственному банку повышать качество своего продукта совершенно не обязательно. И так вся страна в очередях мается, чтобы за квартиру заплатить. Такому банку и мелкий бизнес в свои сети завлечь ни к чему, когда весь городской бюджет у него в кармане хранится.

«Вас много, а я одна!» – думает операционистка, оглядывая очередь пенсионеров к своему окошку.

«На фига нам этот Пупкин со своими грошами?» – думают банковские менеджеры среднего звена.

Менеджеры высшего звена вообще ни о чем таком не думают, летая на банковских самолетах туда-сюда. Им главное быть под рукой у самого большого начальства, потому как из этой руки, как из рога изобилия, в банк попадают по-настоящему серьезные деньги.

Так что идите, учитесь, получайте степени этого бизнес-образования и руководите своими ресторанами, парикмахерскими, цветочными ларьками и сапожными мастерскими. Ну, или гостиницами, в конце концов.

На заводе медицинского оборудования знания Федорова применялись частично, исключительно в рамках организации производства. В процессе же продвижения выпускаемого заводом товара и включения его в государственный заказ использовались уже совсем другие рычаги и инструменты. Федоров от этого слегка тосковал, но не настолько, чтобы кинуться во все тяжкие, искать себе новую работу.

Альбатрос

Совет директоров «Альбатроса» в последнем своем составе имел семерых участников, между которыми распределялся уставной капитал отеля. Основным акционером Петр Сергеев владел аж тридцатью пятью процентами акций, далее шел Семен Каменецкий, доля которого составляла ни много ни мало, а двадцать пять процентов. Лилия Андреевна Разумовская, которая в свое время рулила кадрами в военно-морском ведомстве, владевшем «Альбатросом» в советское время, имела в собственности десять процентов, также десять процентов акций «Альбатроса» принадлежали актрисе Таисии Каменевой. Эти десять процентов ей подарил один из ее больших почитателей в то время, когда Таисия была еще относительно молода и также относительно популярна. Этот же почитатель пристроил впоследствии Таисию в депутаты, Таисия переехала в Москву и на советы директоров не являлась. Она довольствовалась получением протоколов заседаний этих самых советов и дивидендов, которые ей полагались по акциям. Причем дивиденды Таисию интересовали больше. По семь с половиной процентов доли уставного капитала принадлежали братьям Федосеевым. Каким образом братья попали в собственники «Альбатроса» никому из членов совета директоров было не известно. Зато им было хорошо понятно, что братья Федосеевы никогда единым фронтом со своими процентами выступать не будут. Братья обладали характерной внешностью типа «двое из ларца – одинаковы с лица», однако в отличие от персонажей всем известного мультфильма ругались постоянно. Присутствие на совете директоров обоих Федосеевых одновременно всегда грозило закончиться мордобитием. Оставшиеся пять процентов принадлежали тихому и милейшему старичку Севастьянову. Севастьянов давал всем желающим наличные деньги в долг под проценты, а в случае невозможности своевременного возврата забирал имуществом. Причем забирал жестко и решительно, почище какой-нибудь службы судебных приставов. Так у него и оказались эти пять процентов. Посетив как-то совет директоров Альбатроса, Севастьянов увлекся, и все время пытался предоставить «Альбатросу» наличный кредит. Видимо, решил таким образом увеличить свою долю в уставном капитале.

Ясное дело, что все решения принимали Сергеев с Каменецким, называя промеж собой всех остальных членов совета директоров обидным словом – миноритарии. Однако они никогда не скидывали со счетов тот факт, что каждый из них может обойти другого, вступив в альянс с остальными акционерами. Формирование такого альянса дело кропотливое тяжелое и неблагодарное, но чем черт не шутит. Поэтому остальные акционеры всегда приглашались на совет, их мнение обязательно учитывалось, а Сергеев с Каменецким старались между собой придти к компромиссу. Конечно, председателем совета директоров, как самый крупный акционер, был Петр Сергеев.

В этот раз совет был созван в связи с тем, что Сергеев задумал полномасштабную реконструкцию Альбатроса, и в этот такой важный момент директор Альбатроса вдруг взял да и уволился. Ему, видите ли, предложили руководство иностранным отелем в центре города. Совет собрался без уже привычно отсутствующей Таисии и старшего Федосеева.

Сергеев бушевал и топал ногами.

– Я этому козлу покажу иностранный отель, я ему устрою черную метку. То-то, сволочь, английский учил! Паскуда!

Интеллигентная Лилия Андреевна сделала брови домиком и заметила:

– А чего вы собственно, Петенька, разоряетесь! Это результат вашей необдуманной кадровой политики. У вас же совершенно отсутствуют мотивационные программы.

– Не у вас, а у нас, Лилия Андреевна! Вы нам тут еще профсоюз организуйте! Вы про денюжки как-то, матушка, забываете. На эти самые мотивационные программы. А денюжки эти, между прочим, из нашей с вами прибыли идут! – Сергеев с размаху шлепнулся в свое кожаное

кресло во главе стола и провел рукой по волосам. Волосы у Петра, несмотря на его солидный возраст, были густыми с полным отсутствием какой-либо седины. Волосы эти, пожалуй, являлись единственным украшением неказистой внешности их владельца. Эти красивые волосы Петр гордо носил на себе совершенно неподобающим для начальника образом, а именно, длинными, до середины лопаток. Фигуру Петр Сергеев имел худощавую, практически юношескую, если не сказать тщедушную. Лицо его украшал большой нос, близко к переносице которого, располагались небольшие коричневые глаза. Рот у Петра был большой, губы тонкие, а щеки впалые. Короче, Петр Сергеев был далеко не красавец и терпеть не мог, когда его называли по отчеству. Одевался он в джинсы и свитера, любил дорожную обувь и дорогие автомобили.

Лилия Андреевна всегда смотрела на Сергеева с явным осуждением. В ее представлении настоящий начальник наверняка должен был бы одеваться в костюм с галстуком, не выражаться и вести себя скромнее. Так, во всяком случае, выглядели начальники, с которыми ей приходилось иметь дело в молодости.

Вот Семен Семенович Каменецкий уж точно выглядел, как настоящий начальник. Вальяжный, лысоватый, всегда в дорогом безукоризненном костюме. Поговаривали, что Каменецкий служит где-то то ли в «Газпроме», то ли в «Лукойле», и «Альбатрос» для него является чем-то вроде хобби. Такая вот любимая игрушка.

– Да, ладно, Петя, не кипятись! – Каменецкий попытался успокоить Сергеева. – С людьми надо расставаться хорошо, без скандала и отрыжки. Петербург город маленький, никогда не знаешь, где тот или иной человек может проклюнуться и устроить тебе сильнейшую отдачу по голове.

– Плевал я на его отдачу! Я его сразу урою по самую макушку, чтобы у него никакой возможности для отдачи не было.

– Петя, ты не прав! Времена другие сейчас. Мы человеку руку пожмем, поблагодарим за работу и пожелаем удачи. Он не твоя собственность и не подписывался работать на тебя всю оставшуюся жизнь. А вместо него Толика Андреева поставим. Он же заместитель директора по отелю, парень толковый и для него это будет шанс повысить свою квалификацию.

– Щас! – Сергеев опять вскочил на ноги и забегал вокруг стола. – Мы не можем себе позволить экспериментировать и выращивать кадры. Что?! -

Он выразительно посмотрел на Лилию Андреевну. – Нет! Времени у нас нет на эти глупости. Нам нужен хороший готовый специалист. Руководитель со стажем и надежный, – продолжил он, теперь уже обращаясь непосредственно к Разумовской.

– Мальчики, мне казалось, мы собрались по поводу реконструкции, – подал свой голос старик Севастьянов. – Я бы мог предложить хорошие условия кредитования.

– Ну, если ваши условия будут выгоднее, чем условия, которые нам предлагает банк, то мы, безусловно, обратимся к вам, – лицо Петра при этих словах стало прямо-таки медовым. Конечно, настолько, насколько это вообще применимо к такому неказистому лицу.

– Хорошо, – согласился Севастьянов, доставая из портфеля документ и протягивая его не Петру, а Каменецкому. – Вот изучите, пожалуйста, но обратите внимание, что я предлагаю вам деньги наличные!

Видимо, в глазах Севастьянова Каменецкий тоже больше походил на начальника, чем Сергеев.

– Кстати, – продолжил Севастьянов. – Обращаю ваше внимание, что у нас абсолютно отсутствует какое-либо финансовое планирование, нет грамотного финансиста, а главный бухгалтер чрезвычайно слаба. В этих условиях категорически нельзя брать какие-либо кредиты. Даже у меня!

Главный бухгалтер была креатурой Лилии Андреевны, и при этих словах Севастьянова Разумовская сразу же встrepенулась.

– Позвольте! Главный бухгалтер человек надежный, а это в бухгалтере самое главное, – строго заметила она.

– Не спорю, но если у главного бухгалтера опыт и знания времен войны с Наполеоном, то такая надежность никому не нужна. От такого бухгалтера один вред, – совершенно справедливо отрезал Севастьянов.

– Ну, знаете ли! – Лилия Андреевна поджала губы.

Младший из братьев Федосеевых дал о себе знать молодецким «Гы-гы!». Он сидел, с трудом втиснувшись в кресло, и все совещание занимался тем, что расставлял на стеклянной столешнице свои отпечатки в виде замысловатого узора.

– А подрядчик нашей реконструкции уже определен? – вредный старик Севастьянов продолжал задавать каверзные вопросы.

Все знали, что на реконструкцию Петр пропихивает своего подрядчика, в предприятии которого имеет долю. Это означало, что часть кредитных денег осядет в кармане Сергеева. Каменецкий смотрел на это, как на неизбежное зло, но считал, что этот процесс можно будет ограничить и проконтролировать, поставив на руководство отелом своего директора. Об этом он предварительно переговорил с Разумовской и Севастьяновым. Те согласились, однако, разговоры о главном бухгалтере вбивали между ними клин.

– Мы провели тендер между пятью подрядными организациями. Перед всеми были поставлены одинаковые задачи, и всем было выдано одинаковое техническое задание, – неожиданно занудным голосом вдруг забубнил Сергеев.

Младший Федосеев громко зевнул:

– Ну и чо? – поинтересовался он, продолжая ляпать пальцами стол. – Неужто, никто не ответил?

– Почему? – удивился Сергеев. – Четверо подрядчиков прислали свои предложения. Мы выбрали самого достойного.

– Кого? – не унимался Федосеев.

– Того, кто дал оптимальную цену! – снисходительно разъяснил Сергеев.

– Оптимальную, это как? – Федосеев даже оторвался от стеклянной столешницы.

– Самую низкую, – Сергеев уже явно выходил из себя.

– О! Значит, таджиков нагонят и будут из говна всякого позолоту изображать! – пояснил всем Федосеев.

Несмотря на свою бритую голову и узкий лоб, младший Федосеев, видимо, был не так уж и прост. Он, явно, сообразил, что присутствующие уже обо всем заранее сговорились, не посоветовавшись с ним, и, похоже, развлекался тем, что портил им всю игру.

– Ничего не из говна! – вдруг обиделся Сергеев и все поняли, что ему, как совладельцу фирмы-подрядчика обидно слышать такие слова.

Действительно, а вдруг подрядчик будет экономить не на материалах и квалификации работников, а на норме прибыли, идущей в карман владельцев. Фантастика, конечно, но помечтать-то не вредно.

– Ладно-ладно! Петр, мы все доверяем твоей квалификации и полагаемся на твой выбор. Если у кого-то есть другие предложения, пусть скажет ..., – миролюбиво заметил Каменецкий.

– Или замолчит навеки! Аминь, – закончил за него младший Федосеев. При этом он приложился бритой головой о стеклянный стол.

Все посмотрели на него осуждающе, однако по лицу старика Севастьянова блуждала язвительная улыбочка.

– Петенька! Хорошо, пусть будет тот подрядчик, которого вы выбрали, – сладким голосом сказала Разумовская. – Но мы в свою очередь, тогда хотели бы иметь независимого от вас директора. Согласитесь, это было бы справедливо.

– У вас, Лилия Андреевна, есть конкретные предложения? – Петр сразу взял быка за рога.

Разумовская многозначительно посмотрела на Каменецкого.

– Нет, разумеется, нет! – продолжила она. – Мы же были не готовы к тому, что наш директор нас покинет. Однако, сейчас, мы бы хотели сами, так же как и вы провести своеобразный тендер и выбрать нового директора «Альбатроса».

– Знаю я ваш тендер, Лилия Андреевна! – проворчал Сергеев. – Опять подсунете мне какого-нибудь заплесневелого отставника.

Разумовская обиженно надула губы и опять посмотрела на Каменецкого.

– Я готов взять поиски директора на себя, – со вздохом сказал Каменецкий, всем своим видом давая понять, что будет нести этот непосильный груз, раз уж все его так просят.

Тут опять вмешался младший Федосеев:

– Семен Семеныч! Вы человек занятой, вам некогда, давайте я нормального пацана для «Альбатроса» найду. В два счета.

Старик Севастьянов противно захихикал.

– Спасибо! Но нам нормальный пацан не подходит. Нам нормальный директор нужен, – всегда невозмутимый Каменецкий, явно, завибрировал. – Я вот сейчас вспомнил, есть у меня один хороший знакомый, очень грамотный специалист, с большим опытом и бизнес-образованием. Честнейший человек, давно его знаю. Он, кажется, сейчас директором завода по производству медицинского оборудования работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.